

ВИКТОРИЯ ШВАБ

АРХИВ

ОТ АВТОРА ЦИКЛА
«ОТТЕНКИ МАГИИ»

Виктория Шваб
Архив
Серия «#YoungFantasy»
Серия «Архив», книга 1

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6716846
Виктория Шваб. Архив: Аст; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-982857-0

Аннотация

Представьте себе библиотеку, где вместо книг на полках лежат мертвецы. У каждого из них своя особая история, которую под силу прочесть только Библиотекарям. Поэтому они называют мертвых Историями, а место, где хранятся Истории – Архивом.

Маккензи Бишоп – Хранитель Архива, она спасает мир от вторжения бесприютных призраков – пробудившихся Историй. Но однажды кто-то начинает переписывать некоторые Истории, подчас стирая целые жизни. И это каким-то образом связано с загадочной деятельностью Библиотекарей и ледящим кровью убийством, произошедшим более пятидесяти лет назад...

Содержание

Глава первая	8
Глава вторая	18
Глава третья	34
Глава четвертая	57
Глава пятая	70
Глава шестая	84
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Виктория Шваб

Архив

Victoria Schwab

The Archived

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Nova Littera SIA

Text copyright © 2012 by Victoria Schwab

© Ю. Ершова, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2018

«Великолепно написано, блестяще придумано! «Архив» – та редкая книга, которая захватывает ваши разум и сердце, не отпуская до тех пор, пока вы не перевернете последнюю страницу. Она займет почетное место на моей полке Хранителя».

Рейчел Хокинс, автор бестселлеров № 1 по версии The New York Times

*Посвящается Бобу Ледбеттеру, чью Историю я
бы с удовольствием прочла,*

*и Шелли МакБерни, оставляющей метку на
всем, чего коснется, и на всех, кого встретит*

*Над могилой не плачь моей,
Я не там, не уснула в ней¹.*

Мэри Элизабет Фрай

*Коридоры напоминают мне об августовских ночах на
Юге.*

*О древних камнях и почве, которых никогда не касался
солнечный свет.*

*О дыме – застарелом, терпком, – о грозах и сырой земле.
Но больше всего, деда, они напоминают о тебе.*

*Я делаю шаг вперед и вдыхаю тяжелый, плотный воздух.
Мне снова девять, и за окном лето.*

*Мой младший братишка, Бен, развалился перед венти-
лятором и синим карандашом рисует монстров. Я торчу
на крыльце, задрав голову к небу, и разглядываю звезды,
окруженные нежным светящимся ореолом, – ночь выдалась
влажная. Ты стоишь рядом, куришь, покручивая на пальце
старое потускневшее кольцо, и со своим распевным, мело-
дичным луизианским акцентом рассказываешь мне об Архи-
ве, Коридорах и Внешнем мире так небрежно, словно мы бе-*

¹ Пер. С. Юдина.

седуем о погоде, обсуждаем, что будем есть, или какую-то подобную чепуху.

Ты расстегиваешь пуговицы на манжетах, закатываешь рукава, не прерывая рассказа, и я впервые замечаю, сколько же у тебя шрамов. Три ровных линии на твоём предплечье и дюжина других отметок переплетаются в причудливый узор, напоминающий трещинки на выделанной коже. Я лихорадочно пытаюсь вспомнить, когда видела тебя в одежде с короткими рукавами, и не могу.

На твоей груди, как всегда, висит старый, заржавленный ключ. Несмотря на то что ночь черна и темна, хоть глаз выколи, он посверкивает, отражая свет. Ты мусолишь в руках какой-то свиток: то и дело сворачиваешь и разворачиваешь его, снова и снова разглядывая чистую белую поверхность, будто на ней что-то должно быть написано. Но листок пуст и нем. Тогда ты сворачиваешь его в узкую трубочку и прячешь за ухо. Едва заговорив, ты начинаешь выводить пальцем узоры на запыленном поручне: тебе не под силу усидеть без движения.

Бен выходит к нам на крыльцо и о чем-то спрашивает. Если бы я могла вспомнить, о чем. Если бы я могла вспомнить звуки его голоса. Но не могу. Зато помню, как ты смеешься и перечеркиваешь пальцем три линии, которые только что нарисовал в пыли. Разрушаешь узор. Бен уходит в дом, и ты велишь мне закрыть глаза. Кладешь в мои ладони что-то тяжелое и гладкое и предлагаешь прислушаться,

нащупать тончайшую ниточку памяти, ухватиться за нее и рассказать, что я там увидела. Но я не вижу ничего. Ты просишь меня постараться, сосредоточиться, обратиться вовнутрь, но безуспешно.

Следующим летом все будет иначе. Я услышу легкое гудение, и обращусь вовнутрь, и увижу нечто. Ты будешь измотан, горд и печален одновременно, и уже на следующее лето добудешь мне кольцо один в один как у тебя, только новое. А через это следующее лето ты будешь мертв, и твой ключ, так же, как и все твои тайны, перейдет ко мне.

Этим летом все еще просто.

Этим летом мне всего девять, ты еще жив, и у нас есть время впереди. И когда я скажу тебе, что ничего не вижу, ты пожмешь плечами, прикуришь новую сигарету и продолжишь рассказывать истории.

Истории об извилистых галереях, невидимых дверях и местах, где мертвых хранят на полках, словно книги. Каждый раз, покончив с очередной байкой, ты просишь меня пересказать ее, будто боишься, что я могу позабыть.

Но я не позабуду никогда.

Глава первая

В этом пресловутом «начале с нуля» и нуля-то никакого нет. Опираясь спиной о кузов машины, я смотрю вверх, на Коронадо: старый отель, переоборудованный в жилой дом, который показался маме с папой таким привлекательным. Он мрачно глядит в ответ пустыми окнами-глазницами. Всю дорогу я нервно крутила кольцо, касаясь большим пальцем трех линий, вырезанных на гладкой поверхности, будто эта полоска серебра стала моим талисманом или будто вместо четок она помогала считать молитвы. Я молила о чем-то новом, простом и незамысловатом. И получила вот это.

Кажется, я даже через улицу могу различить комья пыли.

– Ну разве не прекрасно? – экстатически взвизгивает мама.

– Он какой-то... ветхий.

Настолько ветхий, что камни в кладке просели, и из-за трещин фасад производит унылое впечатление. Прямо на моих глазах от стены отрывается осколок размером с кулак и падает вниз.

Я смотрю вверх, на крышу с горгульями. Они сидят не по углам, как обычно, а торчат там и сям, словно привольно расположившаяся стайка ворон. Мазанув взглядом по облупившимся окнам шести этажей, я опускаю глаза к растрескавшемуся каменному шатру, венчающему вход в вестибюль.

Мама бросается вперед, но на полпути замирает, чтобы полюбоваться «старинными» камнями в мостовой, которые придают улице «особую прелесть».

– Дорогая! – окликает папа, следуя за ней. – Не стой посреди дороги!

Нас должно быть четверо. Мама, папа, Бен и я. Но все не так. Уже четыре года, как не стало деда, и не прошло еще года со дня смерти Бена. Года невысказанных слов, вызывающих в памяти образы и картинки, которые слишком тяжело вынести. Любой пустяк способен вдребезги разбить тебе сердце. Завалившаяся за стиральную машинку футболка. Игрушка, которая закатилась под ящик в гараже и лежит позабытая до тех пор, пока кто-нибудь не уронит туда же свою вещицу, а найдет – ее, и потом, лежа на бетонном полу, всхлипывает в бейсбольную перчатку.

Через год попыток кое-как вести жизнь, пытаюсь не разрушать воспоминания, как подрывают заброшенные шахты, родители сдаются и решают уехать, чтобы начать все с чистого листа. «Начать с нуля». Типа, «именно это сейчас нужно семье». Я же называю это бегством.

– Маккензи, ты идешь?

Я плетусь за родителями через улицу, поджариваясь на июльском солнце. На входе меня встречает крутящаяся дверь, зажатая между двумя обычными. Во внутреннем дворе и в вестибюле я замечаю несколько человек, все зрелого возраста.

Мама была чудной еще до того, как погиб Бен. Она хотела стать то смотрительницей зоопарка, то юристом, то шеф-поваром. Но это были безобидные *причуды*. После его смерти они обрели другой характер. Вместо мечтаний мама приступила к действиям. С ужасающей энергией. Если спросить ее про Бена, она сделает вид, что не слышала, а вот если спросить об очередном замысле, — она готова будет болтать о нем часами, каким бы нелепым он ни был. Ее энергии, кажется, с лихвой хватило бы на освещение небольшой квартиры. При этом вся она уходит «в гудок» — мамины идеи всякий раз оказываются однодневками. Она переключается с одной работы на другую с такой же легкостью, как Бен меняет — *менял* — свои любимые блюда: одну неделю это был сыр, другую — яблочное пюре.

За прошедший год мама семь раз сменила место работы. Похоже, мне следует радоваться уже тому, что она не меняет себе жизни — можно не сомневаться, что она делала бы это с радостью. Одним прекрасным утром мы с папой проснулись бы и не нашли ничего, кроме записки, написанной ее корявым, как курица лапой, почерком. А она все еще здесь, с нами.

От стены здания отваливается еще один кусок штукатурки.

Может, эта новая работа завладеет ее вниманием?

Заброшенному углу первого этажа Коронадо, втиснутому под тенты внутреннего двора, суждено стать полигоном

для воплощения самой розовой мечты моей мамы, хотя она сама предпочитает звать ее «венцом стремлений»: Кофейни Бишопов. Если ее спросить, она скажет, что это – единственная причина переезда сюда, и не имеет никакого отношения к... (как вы уже поняли, она не произносит имени Бена).

Мы поднимаемся к дверям, и папа ободряюще кладет руку мне на плечо. Моя голова тут же заполняется какофонией, напоминающей смесь радиопомех с низкочастотным шумом. Я морщусь и делаю над собой усилие, чтобы не отстраниться. Мертвые хранят молчание, а вещи, содержащие воспоминания, беззвучны, пока ты не сосредоточишься на них. Но прикосновение живого существа – оглушительно. Живые так неорганизованны, так нелогичны и представляют собой гремучую смесь из воспоминаний, эмоций и идей. Этот шквал информации тормозит небольшое серебряное кольцо на моем пальце. Жаль, что оно может отразить лишь образы, но не шум.

Я представляю себе стену между рукой папы и своим плечом, как учил меня дед: второй барьер. Но он не срабатывает. Звук не уходит и оглушает меня завываниями и помехами, словно плохо настроенное радио. Выждав приличное количество секунд, я делаю шаг вперед, туда, где ему меня не достать. Папина рука сползает с моего плеча, и наступает благословенная тишина. Я с облегчением расправляю плечи.

– Что думаешь, Мак? – спрашивает он, и я задираю голову, глядя на нависающий над нами Коронадо.

Мне хочется схватить маму за плечи и трясти ее до тех пор, пока из нее не вывалится очередная новая идея и она не потащит нас прочь отсюда.

Я понимаю, что не могу сказать об этом папе. За последний год он из подтянутого мужчины стал тощим хилляком, а кожа у него под глазами стала отливать синевой. Да, мамин энергией хватит на то, чтобы обеспечить город, но в папе жизнь едва теплится.

– Думаю, – начинаю я, выдавив улыбку, – что это будет замечательное приключение.

Мне десять, уже почти одиннадцать, и я ношу на шее ключ, чтобы быть похожей на тебя. Все говорят, что у меня твои глаза – серо-стальные, и такие же волосы – когда-то они были рыже-каштановыми, а потом поседели. Но я не обращаю внимания на эти глупости. Глаза и волосы есть у всех. Я хочу обрести такие черты, которые обычные люди не могут заметить. Кольцо, ключ и особенную манеру воспринимать мир, держа многое в секрете.

Мы уезжаем на север, и день рождения я встречу дома, хотя провела бы время с тобой, вместо того чтобы задуть свечи на торте. Бен задремал на заднем сиденье, и по дороге домой ты рассказываешь мне о трех пространствах.

О Внешнем мире, на который ты не тратишь много времени – ведь это наш привычный мир, в котором мы живем, и многие люди не знают ничего иного.

О Коридорах, кошмарном месте с запыленными переходами, полными жутковатого шепотка, неизвестными дверями и темнотой, такой плотной, будто ее можно пощупать.

И об Архиве, библиотеке мертвых. Бескрайней, залитой светом, повсюду дерево, камень и витражи, и всепоглощающее чувство покоя.

Ты ведешь машину и рассказываешь, одной рукой придерживая руль, а другой поигрывая ключом, висящим у тебя на шее.

Единственное, что объединяет эти три места, говоришь ты, это двери. Входы и выходы. А к дверям нужны ключи.

Я наблюдаю, как ты покручиваешь в руке ключ, проводя пальцем по зубчикам. Я повторяю за тобой, и ты замечаешь мой дурацкий ключик на веревочке, и спрашиваешь, что это. Я показываю его тебе, и в машине наступает странная тишина, словно мир вокруг задержал дыхание. А потом ты вдруг улыбаешься.

И говоришь, что я могу получить свой подарок раньше, хотя мама любит, чтобы все было как положено. Достав из кармана маленькую коробочку, ты вручаешь ее мне. Внутри лежит серебряное кольцо с тремя аккуратными полосками, вырезанными на металле, – меткой Архива. Такое же, как у тебя.

Я еще не знаю, зачем оно, – я пока глуха и слепа к окружающему миру и его воспоминаниям, к людям и их путаным мыслям. Но я впечатлена и клянусь тебе, что никогда его

не сниму. Машина подскакивает на кочке, и я роняю кольцо под сиденье. Ты хохочешь, а я заставляю тебя съехать на обочину, чтобы можно было его найти. Мне приходится носить его на большом пальце, настолько оно велико. Но ты утешаешь меня, говоря, что я непременно вырасту.

Через крутящуюся дверь мы втаскиваем наши пожитки в вестибюль. Мама чирикает в радостной экзальтации, я хмуро нахохливаюсь, как сыч.

Просторное фойе вызывает ассоциации с детскими игровыми картинками, на которых надо найти, что не так. На первый взгляд – сияние и блеск, всюду мрамор, клейма в виде корон и позолота. Но потом понимаешь, что мрамор покрыт слоем пыли, отделка потрескалась, а позолота осыпается на ковер. В окна врывается солнечный свет, и старое мутное стекло не в состоянии поглотить его тепло. Здесь пахнет как в старом пронафталиненном шкафу с забытой одеждой. Когда-то это место было потрясающим, вне всякого сомнения. Что же случилось?

У входа переминаются с ноги на ногу двое, не обращая внимания на кружащиеся повсюду тучи пыли.

На другом конце вестибюля я вижу грандиозную мраморную лестницу, ведущую на второй этаж. Камень цвета взбитых сливок наверняка начнет испускать нежное сияние, если его немного отполировать. По сторонам лестницы наклеены обои, и даже со своего места я могу различить узор из ге-

ральдических лилий и какую-то морщину на материале. Издалека она напоминает трещину. Вряд ли кто-нибудь обращал на нее внимание, тем более в таком заброшенном месте, но одна из моих обязанностей – замечать подобное. Я уже иду к ней, таща за собой багаж, и слышу, как меня окликают по имени. Папа и мама уже скрылись за углом. Поудобнее перехватив сумки, я бросаюсь вдогонку.

Мы останавливаемся перед тремя лифтами, в стороне от вестибюля.

Они больше напоминают клетки из старого заржавленного железа, вряд ли способные выдержать двоих. Но мы второем уже втиснулись в один из них, втащив за собой четыре чемодана. Прошептав что-то среднее между молитвой и проклятием, я закрываю кривую дверцу и нажимаю кнопку третьего этажа.

Лифт со стоном оживает и приходит в движение. Когда-то в нем, похоже, играла музыка, но сейчас ее не различить из-за звуков, с которыми конструкция поднимает нас вверх. Со скоростью, достойной полудохлой черепахи, мы минуем второй этаж, надежно стиснутые нашим багажом. На полдороге между вторым и третьим этажами лифт делает паузу, чтобы поразмыслить о своей нелегкой жизни, и потом с горестным вздохом продолжает путь. Остановившись в пункте назначения, он издает предсмертный хрип, я рывком раскрываю заржавленные челюсти, и мы выходим на свет божий.

Я громогласно заявляю, что впредь буду подниматься

только пешком.

Мама пытается вылезти из-за баррикады чемоданов.

– Но у него ведь есть определенный...

– Шарм? – как попугай, передразниваю я. Но мама игнорирует мою шпильку и делает попытку перешагнуть чемодан. Она оступается на каком-то ремешке, и папа ловит ее под руку.

– У него своеобразный характер, – поддакивает он.

Я поворачиваюсь в холл, и моя душа уходит в пятки. По правую и левую руку от меня простирается вереница дверей. Не тех, привычных, а глухих, замазанных краской и заклеенных обоями, так что от них не осталось ничего, кроме контуров и складок.

– Разве это не восхитительно? – говорит мама. – Лишние двери сохранились еще с тех времен, когда это был отель. Потом стены-перегородки стали ломать и объединять номера в апартаменты, делая перепланировку. А двери оставили, просто заклеив их обоями и бумагой.

– Восхитительно, – эхом повторяю я. И жутко. Будто я в новой, лучше освещенной версии Коридоров.

Мы проходим в самый конец анфилады дверей, и папа открывает последнюю, с затейливым значком «3F», прибитым к поверхности. Квартира оказывается такой же потрепанной, как и все остальное здесь. Уже обжитой другими. Здесь всюду следы и метки, но они не наши. В нашем прежнем доме, даже после того как мы собрали все вещи и унесли мебель,

они тоже были всюду. Небольшая вмятина в стене, куда я запустила книгой, пятна на потолке кухни после маминого эксперимента с миксером, синие каракули по углам, где любил рисовать Бен. У меня в груди все сжалось. Бен уже никогда не оставит меток в этой квартире.

Пока мама ахает и охает, а папа тихонько шныряет по комнатам, я собираю все свое мужество, чтобы сделать шаг через порог. И тут я чувствую его.

Легкое царапанье по бумаге. На моем листке из Архива написали новое имя. Я достаю его из кармана – неприметный, размером не больше квитанции, и странно шелестящий – и перед моими глазами возникает имя Истории, написанное ровным курсивом.

Эмма Клэринг, 7.

– Мак, – окликает папа. – Ты идешь?

Я делаю шаг назад, в холл.

– Забыла свою сумку в машине. Сейчас вернусь.

Что-то мелькает в папиных глазах, но он покорно кивает и отворачивается от меня. Дверь со щелчком закрывается, я вздыхаю и поворачиваюсь в холл.

Нужно разыскать эту историю.

Для этого мне требуется выйти в Коридоры.

Значит, мне необходима дверь.

Глава вторая

Мне одиннадцать, и мы сидим за столом друг напротив друга, тихонько переговариваясь, так, чтобы нас не было слышно за шумом из кухни. Одежда стала висеть на тебе мешком – рубашки, брюки, и даже кольцо болтается на пальце. Я подслушала разговор мамы и папы: они говорили, что ты умираешь. Не молниеносно и быстро, и не внезапно, но мне не становится легче. Я смотрю на тебя, болезненно щурясь, пытаюсь разглядеть гложущую тебя злодейку-болезнь, укус за укусом отбирающую тебя у меня.

Ты рассказываешь мне что-то об Архиве, как он меняется и разрастается, а я слушаю вполуха, покручивая кольцо на пальце. Сейчас оно нужно мне, как никогда. Осколки воспоминаний и чужие эмоции начинают проникать в мое сознание, стоит кому-либо прикоснуться ко мне. Они не страшны и не противны, но оставляют неприятный осадок. Я пожаловалась тебе, а ты сказал, что станет еще хуже, и выглядел искренне расстроенным за меня. Ты добавил, что эта способность передается генетически, но не проявляет себя до тех пор, пока твой предшественник не сделал свой окончательный выбор. И ты выбрал меня. Надеюсь, ты не пожалел об этом. Я же жалею только об одном: в то время как я становилась сильнее, ты будто слабел с каждым днем.

– Ты меня вообще слушаешь? – не выдерживаешь ты: слишком очевидно, что я где-то в собственных мыслях.

– Я не хочу, чтобы ты умирал, – говорю я неожиданно для нас обоих. Мгновение будто замирает, и ты смотришь мне в глаза. Затем смягчаешься, устраиваешься поудобнее на стуле, а я будто слышу, как движутся твои кости.

– Кензи, чего ты боишься? – спрашиваешь ты.

После того как ты сообщил, что передал мне все свои полномочия, я не могу выкинуть из головы мысль, что именно по этой причине ты стал так быстро стареть. Угасать прямо на глазах.

– Потерять тебя.

– Невозможно что-либо потерять. Никогда.

На мгновение мне кажется, что ты просто пытаешься меня успокоить, и скажешь какую-нибудь чушь вроде «я буду жить в твоём сердце». Но ты никогда не сделаешь подобного.

– Ты думаешь, я рассказываю тебе все это, чтобы послушать собственный голос? Я действительно имею в виду то, что говорю. Ничто и никогда не будет забыто или утеряно. Именно для этого и существует Архив.

Дерево, камень и витражи, и всепроникающее чувство покоя...

– Так вот куда мы уходим после смерти? В Архив?

– Это не совсем точно. Ты – нет, а вот твоя История – да.

И тут ты заговариваешь тем самым голосом, призванным навечно осесть в моей памяти, будто вырубая слова в граните.

— Ты знаешь, что такое История?

— Это прошлое.

— Нет, Кензи. Ты говоришь об истории с маленькой буквы «и». А я говорю об Истории с заглавной буквы. История — это... — Ты достаешь сигарету и задумчиво покручиваешь ее между пальцами. — Ты можешь считать ее привидением, но это неверно. Истории — это свидетельства.

— Свидетельства чего?

— Нас самих. Каждого из нас. Представь файл, содержащий всю твою жизнь, каждый момент, каждый случай. Все без исключения. Только вместо папки или книги вся информация заключена в теле.

— И как это выглядит?

— Так же, как люди выглядели на момент смерти. Точнее, до нее. Никаких ран и разбухших трупов. В Архиве бы эта идея не понравилась. Тело выступает как оболочка заключенной внутри жизни.

— Как обложка у книги?

— Да. — Ты вкладываешь сигарету в рот, но вспоминаешь, что в доме ее зажечь нельзя. — Обложка может поведать тебе о книге. А тело — об Истории.

Я закусываю губу.

— Получается, когда ты умрешь, копию твоей жизни по-

местят в Архиве?

– Именно.

Я хмурюсь.

– Что такое, Кензи?

– Если Внешний мир – то, где мы живем, а в Архиве хранятся наши истории, то для чего тогда нужны Коридоры? Ты грустно улыбаешься.

– Коридоры выступают, как буферная зона между первыми двумя. Иногда Истории просыпаются и выбираются из Архива, попадая в Коридоры. И когда случается подобное, обязанность Хранителя – вернуть все на свои места.

– Кто такой Хранитель?

– Хранитель – это я, – говоришь ты, показав кольцо на пальце. – И ты тоже скоро станешь, – добавляешь ты, указав на мое кольцо.

Я невольно улыбаюсь. Ты выбрал меня.

– Я рада, что смогу быть такой же, как ты.

Ты пожимаешь мне руку и издаешь что-то среднее между смехом и покашливанием:

– Это здорово. Потому что у тебя нет другого выбора.

Двери, ведущие в Коридоры, можно найти всюду.

Большинство из них раньше выглядели как настоящие двери, но проблема в том, что здания меняются: стены проседают, на их месте возводят новые – а двери остаются неизменными. Невооруженным взглядом можно только заметить

трещинки, на которые люди обычно не обращают внимания, да легкую зыбь там, где два мира – Коридоры и Внешний – соприкасаются друг с другом. Когда ты знаешь, что ищешь, все не так уж сложно.

Но даже опытный взгляд не всегда может сразу обнаружить проход в Коридоры. Мою ближайшую дверь пришлось разыскивать два дня, и в итоге она оказалась на середине улицы, за лавкой мясника.

Вспомнив о трещинке в обоях с лилиями, я улыбаюсь самой себе.

Я направляюсь к ближайшей лестнице – в доме их две, южная с моей стороны холла, и дальняя северная, рядом с клеткообразными лифтами. Что-то заставляет меня остановиться.

Небольшой пробел, едва заметная тень на потемневших от пыли желтых обоях. Я подхожу ближе и встаю прямо перед ней, позволяя глазам привыкнуть к освещению и приглядеться к трещине, которая не оказалась обманом зрения. Ликование сменяет вопрос: разве могут два прохода находиться так близко друг от друга? Может, трещина в вестибюле – всего лишь трещина?

Однако за этой точно кроется нечто большее. Она прорежет стену между номерами 3В и 3С, не совпадая с заброшенными дверьми. Более того, ее прикрывает марина в старой белой раме. Я прищуриваюсь, стягиваю кольцо с пальца и тут же чувствую разницу – у меня будто сняли с глаз по-

вязку. Глядя на трещину в стене, прямо по центру я вижу ее. Замочную скважину.

Кольцо играет роль шор, отгораживая меня, сколь возможно, от живых, и ограничивает способность читать следы, которые они оставляют на вещах. И делает Коридоры невидимыми для меня. С кольцом я не могу увидеть дверей и пройти через них.

Я снимаю с шеи ключ деда и провожу большим пальцем по его зубцам, так же, как и он когда-то. На удачу. Дед потирал ключ, крестился, целовал свои пальцы и касался ими стены – в любом порядке. Он часто говорил, что удача лишней не бывает.

Я вставляю ключ в скважину, наблюдая, как зубцы скрываются в стене. Сначала раздается легкий скрежет металла о металл. Потом появляется дверь в Коридоры, будто всплывая из глубины вод, и проступает на желтых обоях. В довершение всего ее контур очерчивает яркий свет: это означает, что дверь готова.

Если бы кто-нибудь шел по коридору в этот момент, двери бы он не увидел. Но услышал бы щелканье замка, когда я повернула ключ, и потом увидел бы, как я делаю шаг прямо через стену, в никуда.

В Коридорах нет неба, но стоит ощущение ночи, и пахнет ночью. Ночью в городе после дождя. Кроме того, здесь дует легкий бриз, постоянный, но едва заметный. Он гоняет воздух по лабиринтам, так что кажется, будто ты попала в ги-

гантскую вентиляционную шахту.

Я знала, как выглядят Коридоры, задолго до того, как их увидела. Эта картинка прочно засела у меня в голове — дед годами мне ее описывал. Закройте глаза и представьте себе темную улицу, настолько узкую, что можно погладить пальцами стены, если развести руки в стороны. Вы посмотрите вперед... и ничего не увидите, только стены, уходящие в точку, в темноту. Единственный источник света — щели от дверей по правую и левую руку от вас. Контуры проходов испускают слабое сияние, а из замочных скважин исходят лучи света, пронзающие темный пыльный воздух. Достаточно света, чтобы ориентироваться, но слишком мало, чтобы видеть все вокруг.

Мое горло сжимает страх, самое первобытное и непобедимое из чувств. Я даже ощущаю физическую боль, когда переступаю порог, закрываю за собой дверь и слышу голоса.

Это не всамделишные голоса, а бормотание и шепот, слова, едва различимые из-за расстояния. Они могут исходить из соседних комнат или звучать в сотнях километров от меня. Здесь, в Коридорах, звуки перемещаются, завихряются в галереях, отражаются от стен, и находят тебя, рассеянные и призрачные. Они могут ввести в заблуждение.

Коридоры паутиной расходятся по сторонам, как линии метро, пересекаясь и ветвясь. Однообразие стен прерывается дверьми. Проходы, ведущие в разные кварталы города, находятся всего в десятках сантиметров друг от друга: здесь

сжимается пространство. Большая часть дверей наглухо заперта, и все они помечены.

Это особый код. У каждого хранителя собственная система, способ отличить хорошую дверь от плохой. Количество нарисованных на дверях крестов, линий, кругов и точек не поддается счету. Я достаю из кармана кусок мела – забавно, как легко привыкаешь носить с собой необходимое – и быстро вывожу римскую цифру «I» на двери, через которую только что прошла, прямо над замочной скважиной. У дверей нет ручек, и их даже невозможно опробовать без ключа. Мой значок кажется четким и ярким на фоне остальных, выцветших и полустершихся.

Я поворачиваюсь лицом к проходу и оглядываю бесконечное множество дверей впереди. Большая часть из них заперта – неактивирована, как сказал бы дед, – это двери, ведущие назад, во Внешний мир, в комнаты домов, где нет Хранителя. Коридоры представляют собой буферную зону, ничейную землю, заполненную входами и выходами. Некоторые двери ведут в Архив или из него. Другие – на Возврат, который не считается отдельным миром, хотя его можно назвать таковым. Загадочное место, куда не допускаются даже Хранители. И в данный момент, поскольку на моем листке значится имя Истории, мне нужно найти именно такую дверь.

Я пробую дверь справа от только что помеченной знаком «I», и к моему изумлению, она оказывается незапертой. Проход ведет в вестибюль Коронадо. Получается, это была не

просто складка на обоях. Приятная неожиданность. Мимо неспешной походкой проходит пожилая женщина, не обращающая внимания на портал, и я прикрываю дверь и рисую на ней значок «П».

Я немного отступаю, оглядываю знакомые двери – свои пути назад – и продвигаюсь дальше по проходу, проверяя каждый замок. Ни одна из дверей не поддается, и я помечаю их знаком «Х». Появляется звук громче остальных, легкая дробь, похожая на приглушенные шаги: *тон-тон-тон*. Только идиот станет разыскивать Историю до того, как нашел для нее точку Возврата, и потому я ускоряю шаг, поворачиваю за угол и успеваю попробовать еще пару дверей до того, как мне попадается нужная.

Замок поддается, и дверь открывается, впуская меня в пространство, полное бескрайнего, ослепляющего света. Я отступаю и закрываю дверь за собой, смагивая мелкие белые точки в глазах, помечаю дверь белым кружком и заштриховываю его. *Возврат*. Я переключаюсь на следующую дверь и, даже не испробовав замка, рисую кружок, на этот раз незаштрихованный. *Архив*. Вся штука в том, что двери в Архив находятся по правую руку от дверей на Возврат, так что, найдя одну, ты обнаруживаешь и другую.

А теперь пора найти Эмму.

Размяв пальцы, я касаюсь стен. Серебряное кольцо надежно спрятано у меня в кармане. Истории, так же, как люди, оставляют эмоциональный след на всем, чего коснулись, по-

этому пол здесь сделан из того же бетона, что и стены. Так я могу прочесть весь лабиринт одним-единственным касанием. Если Эмма здесь была, я сразу почувствую.

Шероховатая поверхность стены будто гудит под моими пальцами. Я закрываю глаза и прижимаюсь крепче. Дед говорил, в стене запрятана тончайшая нить, и нужно потянуться к ней, прямо сквозь стену, а когда схватишь ее, ни за что не отпускать. Гул поднимается по моим пальцам, они начинают терять чувствительность, и я сосредотачиваюсь. Я крепче зажмуриваю глаза, тянусь к нити всем своим существом и наконец чувствую ее под пальцами. Я хватаю нить и понимаю, что ладони у меня онемели. Темнота перед глазами вздрагивает, подскакивает, и ко мне выплывают Коридоры, но картинка смазана, она словно подернута легкой рябью. Я вижу саму себя, стоящую у стены, и отматываю воспоминания дальше.

По ощущениям чем-то похоже на перемотку старой киноплёнки: от настоящего к прошлому, пощелкивая, сменяется кадр за кадром. Имя появилось на моем листке около часа назад: тогда исчезновение Эммы Клэринг было официально зарегистрировано. Так что мне не нужно отматывать слишком далеко. Проверив воспоминания двухчасовой давности и не обнаружив следов девочки, я отстраняюсь от стены и раскрываю глаза. Прошлые Коридоры отступает, его сменяет более четкое и яркое настоящее. Я иду вперед, к следующему ответвлению в галерее, и пытаюсь снова: закрываю

глаза, тянусь, хватаюсь за нить, отматываю время назад и вперед, разыскиваю следы...

История мелькает в проеме, ее маленькая фигурка огибает галерею и, повернув налево, скрывается за углом. Я моргаю, убираю руку, и очертания Коридоров вокруг меня становятся все резче, в то время как я шагаю дальше и упираюсь... в тупик. Если быть более точной, в пограничную вежу: участок стены, отмеченный светящейся скважиной. Хранители могут перемещаться только по собственным территориям, и пятно света служит им своеобразным знаком «стоп». Это не дает Историям уходить слишком далеко. И теперь я вижу, что прямо перед выходом сидит девочка.

Эмма Клэринг сиротливо примостилась на полу, крепко обхватив колени руками. Она босая и одета в футболку и шорты, зазелененные травой. Девочка такая маленькая, что стены Коридора нависают над ней, словно своды зловещего подземелья.

– Проснись, проснись, проснись...

Повторяя это снова и снова, она раскачивается взад-вперед, ударяясь спиной о стену с тем самым звуком, что я приняла за шаги. Эмма накрепко зажмуривает глаза, затем открывает их. И я вижу, что они полны ужаса: ведь Коридоры никуда не исчезли.

Совершенно очевидно, что она срывается.

– Проснись, – снова молит девочка.

– Эмма! – зову я, и она вздрагивает как ужаленная.

Испуганный взгляд из полумрака мечется по моему лицу. Ее зрачки расширяются, и чернота поглощает цвет ее глаз. Она хнычет, но не стремится узнать меня. Это хороший признак: когда Истории срываются серьезно, на твоём месте они начинают видеть других людей. Они видят в тебе того, кого хотят видеть: кого любят, ненавидят, помнят или в ком нуждаются, и от этого ситуация окончательно запутывается. Они скорее сходят с ума.

Я осторожно делаю шаг в её сторону. Она утыкается лицом в руки и продолжает шептать.

Я опускаюсь перед ней на колени.

— Я здесь чтобы помочь.

Она даже не смотрит на меня.

— Почему я никак не могу проснуться? — шепчет она срывающимся голосом.

— От некоторых снов, — говорю я, — не так просто очнуться.

Она замирает, затем покачивает головой из стороны в сторону.

— Но знаешь, чем хорош любой сон? — Я говорю с ней так же, как мама когда-то говорила со мной и Беном: терпеливо, успокаивающе. — Как только ты понимаешь, что находишься во сне, ты можешь управлять им. Ты можешь изменить его и найти выход.

Эмма смотрит на меня через скрещенные руки, её широко раскрытые глаза блестят от слез.

— Хочешь, я покажу тебе, как это сделать?

Она кивает.

– Тогда закрой глаза, – она повинуется, – и представь себе дверь.

Я окидываю взглядом ближайший участок галереи и с досадой понимаю, что здесь ни одной помеченной двери – почему я не подготовилась раньше и не нашла двери, ведущей на Возврат?

– Теперь представь себе заштрихованный белый круг на этой двери. А за этой дверью – комнату, заполненную светом. Ничего, кроме света. Ты ее видишь?

Девочка кивает.

– Хорошо. Теперь открывай глаза. – Я поднимаюсь на ноги. – Пойдем, разыщем твою дверь.

– Но здесь их так много, – робко шепчет она.

Я улыбаюсь:

– Это будет небольшим приключением.

Она протягивает мне свою ручку. В первое мгновение я испуганно замираю, повинуюсь обретенному инстинкту, а потом запоздало понимаю, что ее прикосновение останется просто прикосновением: никакого шквала чужих эмоций и чувств, захлестывающего меня от прикосновения живых людей. У нее, конечно, полно воспоминаний, но мне не под силу их увидеть. Только Библиотекари Архива способны читать мертвых.

Эмма смотрит на меня снизу вверх, я слегка сжимаю маленькую ручонку и веду девочку назад, за угол, вспоминая

пройденный путь. Шагая по Коридорам, я размышляю, что могло ее разбудить. В мой список попадают в основном дети и подростки – беспокойные, но совсем не плохие – просто они умерли, так и не успев прожить свою жизнь. Каким она была ребенком? Из-за чего умерла? Но тут я словно слышу голос деда, который советует мне воздерживаться от излишнего любопытства. Я знаю, что Хранителей неспроста не учат прочитывать Истории. Считается, что для нас они не имеют значения.

Эмма испуганно сжимает мою ладонь.

– Все хорошо, – тихо говорю я, и мы проходим еще один пролет неотмеченных дверей. – Мы найдем ее.

Я надеюсь. У меня не было времени как следует освоиться на новом месте, но как только я тоже начинаю нервничать, мы делаем еще один поворот, и находим дверь.

Эмма высвобождается и, бросившись к ней, касается мelloвого круга ладонью с растопыренными пальцами. Теперь ее ручки вымазаны мелом. Я вставляю ключ в скважину, отпираю, и вот мы уже стоим на пороге, залитые сверкающим светом. Эмма восторженно вздыхает.

На мгновение кажется, что в этом мире нет ничего, кроме света. Прямо как я и обещала.

– Видишь? – говорю я, кладу руку ей на спину и провожу ее вперед: через порог, к Возврату.

Эмма поворачивается назад, чтобы увидеть, почему я не пошла за ней, а я зажмуриваюсь и накрепко захлопываю

дверь. Ни крика, ни стука: мертвая тишина. Я стою, опустив голову, не вынимая ключа из скважины, и в груди у меня трепещет странное чувство, похожее на вину. Но оно быстро отступает. Я напоминаю самой себе, что возвращение – это милосердие. Оно освобождает Истории от морока пробуждения и погружает их в сон. Почему же тогда мне так тяжело видеть страх в глазах детей перед тем, как я запру между нами дверь?

Иногда я думаю о том, что происходит после Возврата, как Истории снова превращаются в безжизненные тела на полках Архива. Как-то раз, с одним мальчиком, я осталась посмотреть и ждала на пороге бездонной белизны (я знала, что внутрь шагать не стоит). Но до тех пор пока я не ушла, ничего не случилось. Я узнала это, потому что в конце концов закрыла дверь всего на несколько мгновений: мне потребовалось только запереть и вновь отпереть замок. А открыв дверь, я увидела, что за ней уже никого нет.

Я спрашивала Библиотекарей о том, как Истории выходят из Архива. Патрик начал болтать что-то о закрывающихся и открывающихся дверях. Лиза сказала, что в Архиве, как в любом гигантском механизме, есть свои бреши и слабые места. А Роланд просто сказал, что не имеет об этом никакого понятия.

Наверное, не так уж важно, как именно они оказываются в Коридорах. Дело только в том, что это случается. И когда это случается, их следует разыскать. Они должны вернуться

на свое место. Дело заведено, и дело должно быть закрыто.

Оттолкнувшись от двери, я достаю Архивный листок из кармана, желая убедиться в том, что имя Эммы исчезло. Так и есть. Все, что от нее осталось, – след ладони на меловом кругу.

Я заштриховываю его и ухожу.

Глава третья

– Забрала из машины что хотела? – спрашивает папа, когда я появляюсь на пороге.

Он избавляет меня от необходимости лгать, помахав в воздухе ключами от машины, которые я забыла взять. Но даже несмотря на это, судя по низкому солнцу в окнах и множеству коробок, расставленных там и сям по комнате, я понимаю, что меня не было слишком долго. Я шепотом проклинаю Коридоры и Архив. Я пыталась носить часы, но бесполезно. Какими бы они ни были, стоит покинуть Внешний мир – от них уже никакого проку.

Так что мне снова приходится выбирать: правда или ложь.

Если дело касается вранья, существует несколько простых правил. Во-первых, нужно стараться говорить правду везде, где только можно. Если начнешь лгать по любому поводу, станет невозможно сводить вместе все концы, и рано или поздно ты попадешься. Как только посеяны семена сомнений, возможность солгать и не попасться в следующий раз уменьшается с геометрической прогрессией.

У меня не все гладко с враньем родителям: я то пропадаю не к месту, то ношу какие-то непонятные синяки – некоторые Истории не хотят, чтобы их возвращали – и мне приходится каждый раз искать новые варианты. Раз уж папа вынуждает меня на «правду», я поддамся. Порой родители це-

нят откровенность, если с ними делятся секретами. Тогда они чувствуют себя особенными.

– Весь этот переезд, – начинаю я, устало привалившись к порогу, – слишком резкие перемены. Мне потребовалось немного собственного пространства, хотелось побыть одной.

– Тут не будет проблем со свободным пространством.

– Угу, знаю, – отвечаю я, – здание огромное.

– Все семь этажей осмотрела?

– Только до пятого добралась. – Я лгу легко и спонтанно – дед мог бы гордиться мной.

В нескольких комнатах от нас я слышу мамину возню: звуки распечатываемых коробок и мяуканье радио. Мама терпеть не может тишины: она стремится заполнить любое место суетой и шумом настолько, насколько это возможно.

– Нашла что-нибудь интересное? – спрашивает папа.

Я пожимаю плечами.

– Тучи пыли. И, может быть, парочку привидений.

Он улыбается заговорщической улыбкой и слегка сторонится, давая мне пройти.

Моя грудь сжимается при виде коробок, занимающих каждый сантиметр свободного пространства квартиры. На половине из них значится «вещи». Если мама была в ударе, то на крышке писала еще и короткий перечень содержимого коробки. Но поскольку ее почерк совершенно нечитаем, мы узнавали, что внутри, только распечатав коробку. Словно на Рождество, только все подарки уже были когда-то подарены.

Папа передает мне ножницы, и тут звонит телефон. Я даже не подозревала, что у нас будет телефон. Мы с папой начинаем копошиться среди коробок в поисках аппарата, но нас выручает мама:

– Кухонная столешница, у холодильника.

И он действительно там.

– Алло! – говорю я в трубку, переводя дыхание.

– Ты меня разочаровала, – говорит какая-то девушка.

– Что? – Все происходит слишком быстро, и я не успеваю сообразить, что происходит. Не могу узнать голос.

– Ты всего полдня провела в своей новой резиденции, и уже успела меня позабыть.

Линдси. Я расслабляюсь.

– Как ты узнала номер? – удивляюсь я. – Я и то еще не знаю.

– Я же волшебница, – загадочно отвечает она. – А если бы ты обзавелась мобильником...

– У меня есть мобильник.

– И когда ты последний раз его заряжала?

Я задумываюсь.

– Маккензи Бишоп, если ты хотела обдумать ответ, твое время вышло.

Я хочу как-нибудь парировать, но не могу. Мне ни разу в жизни не пригодился мобильный телефон. Мы с Линдси прожили в соседних квартирах десять лет, и она была – и остается – моей лучшей подругой.

– Ну да, ну да, – соглашаюсь я, продираясь по квартире сквозь баррикады коробок.

Линдси просит меня подождать и, прикрыв ладонью трубку, переговаривается с кем-то, так что я слышу только гласные.

В конце коридора я вижу дверь с наклеенной бумажкой. На ней нарисовано нечто, отдаленно напоминающее букву «М», так что я могу предположить, что это моя комната. Я пинком ноги открываю дверь, заглядываю внутрь и вижу стопки вездесущих коробок, матрас и составные части несобранной кровати.

Линдси смеется над чем-то, что ей сказали, и даже за девятью километрами от нее, через телефонные провода и трубку, зажатую рукой, я чувствую исходящий от подруги свет. Линдси Ньюман просто создана из света. Он переливается в ее светлых кудрях, коже, которую поцеловало солнце, в россыпи шаловливых веснушек на щеках. Это ощущаешь, когда находишься рядом. Она одарена безоговорочной преданностью и таким потрясающим оптимизмом, которых, как я считала, в природе не существует. До тех пор пока не встретила ее. И она никогда не задает неправильных вопросов – тех, на которые нельзя ответить. Никогда не заставляет меня лгать.

– Ты еще тут? – спрашивает она.

– Ага, – отвечаю я, спихивая с дороги коробку, и прохожу к кровати. Остов стоит у стены, а матрас и пружинный каркас лежат на полу.

– Твоя мама еще не устала от новизны? – интересуется Линдси.

– К сожалению, нет, – признаюсь я и падаю ничком на матрас.

Бен обожал Линдси до умопомрачения, со всей силой, на какую способен маленький мальчик. И она его любила. Будучи классическим примером единственного ребенка в семье, она всегда мечтала о братьях и сестрах, поэтому я «поделилась» с ней братом. Когда Бен погиб, ее свет будто стал еще ярче и яростнее. А оптимизм словно бросал вызов всем невздам. И когда родители сообщили мне о переезде, я могла думать лишь об одном. *Как же Линдс? Что будет, когда она лишится нас обоих?* В тот день, когда я сообщила ей эту вест, я впервые увидела, как ее вера в лучшее пошатнулась. У нее внутри будто что-то надломилось, и она на мгновение замерла. А потом снова стала самой собой: с улыбкой на девять из десяти баллов, но тем не менее лучшей, чем те, что я когда-либо видела в собственном доме.

– Стоит попробовать убедить ее открыть кафе-мороженое в каком-нибудь милом курортном городке... – Я сдвигаю кольцо и начинаю вертеть его на пальце, а она добавляет: – Ну, или где-нибудь в России, например. Хотя бы мир повидаете.

Линдси права. Может, мои родители и бегут, но складывается ощущение, что они боятся убежать так далеко, что не смогут, оглянувшись, увидеть все то, что оставили. Ведь мы

теперь живем всего в часе езды от нашего прежнего дома. Всего в часе от прежней жизни.

– Согласна, – говорю я. – Когда планируешь подивиться на великолепие нашего Коронадо?

– Он правда такой потрясающий? Скажи, что да.

– Он... старый.

– В нем водятся призраки?

Все зависит от терминологии. Слово *призрак* используют людьми, ничего не знающими об Историях.

– Мак, ты слишком долго думаешь, что мне ответить.

– Призраков пока не обнаружила, – сказала я. – Но впереди еще уйма времени.

Я слышу голос ее мамы на заднем плане:

– Линдси, пора. Маккензи может себе позволить немного побездельничать, а ты – нет.

Вот черт! *Побездельничать*. Интересно, каково это? Готова поспорить, что это не про меня. Но в Архиве вряд ли поймут, если я раскрою тайну их существования только ради того, чтобы доказать кому-то, что занята делом.

– Ой, прости! – говорит Линдси. – Мне пора на тренировку.

– На какую из? – подшучиваю я.

– Футбол.

– Ах да, конечно.

– Скоро созвонимся, ладно? – спрашивает она.

– Ага.

Телефон отключился.

Я сажусь и оглядываю свои новые владения, забитые коробками. На каждой из них где-нибудь накорябана буква «М». Я видела «М», и «Э» (маму зовут Эллисон), и «П» (папу зовут Питер), разбросанные по дому, но ни одной «Б». Страшная догадка пронзает меня.

– Мама! – кричу я, вскочив с кровати, и несусь в гостиную.

Папа притаился в углу с ножом для бумаг в одной руке и книгой в другой. Книга интересуется его заметно больше.

– Что стряслось, Мак? – спрашивает он, не отрываясь от чтения. Но это сделал не папа. Я знаю, он не мог. Да, он тоже бежал, но не он возглавлял это бегство.

– Мам! – снова зову я.

Она в спальне, распаковывает вещи и на предельной громкости слушает какое-то маразматическое радиошоу.

– Что такое, дорогая? – невозмутимо спрашивает она, выкладывая одежные вешалки на постель.

Когда я заговариваю, мой голос звучит тихо, словно я на самом деле не хочу спрашивать. Не хочу знать ответ.

– Где вещи Бена?

Следует долгая, можно сказать, бесконечная пауза.

– Маккензи, – медленно начинает она, – если начинать все с нуля...

– Где они?

– Кое-какие лежат в кладовке. А остальные...

– Ты не могла так поступить.

– Колин говорит, что иногда для перемен требуются значительные...

– Ты что, в самом деле собираешься свалить на психотерапевта решение выбросить их?

Я, наверное, уже кричу, потому что из-за моей спины в комнату входит папа. Мама вся поникает, и он идет к ней, и вот я уже главный злодей на свете – просто из-за того, что хотела сохранить хоть какую-то память. Те вещи, которые я смогла бы прочитать.

– Скажи, что оставила хотя бы что-то, – сквозь накрепко сжатые зубы рычу я.

Мама кивает, уткнувшись лицом в папин воротник. Она не поднимает на меня глаз.

– Маленькую коробку. Она в твоей комнате.

Она договаривает это мне вслед. Захлопнув за собой дверь, я раскидываю по сторонам все коробки, пока не найду нужную. Крошечная «Б» выведена на одной стороне. Это коробка из-под обуви.

Я разрываю скотч ключом деда и высыпаю содержимое на матрас. Мои глаза жжет огнем. Дело даже не в том, что мама ничего не сохранила, дело в том, что она оставила неправильные вещи. Мы оставляем воспоминания только на тех вещах, какие любим, часто используем и изнашиваем.

Если бы мама не выбросила его любимую футболку – ту, с крестом на сердце – или какой-нибудь из его синих карандашей – хотя бы огрызок, или нашивку, которую он выиграл на

состязаниях и носил в кармане, потому что очень гордился ею – но не настолько, чтобы пришить на рюкзак... Барахло, раскиданное по моей кровати, на самом деле не его. Фотографии в рамках, итоговые школьные тесты, шляпа, которую он надел всего раз, награда за конкурс, плюшевый медведь, которого он ненавидел, и чашка, которую он слепил в шесть лет на занятиях по лепке.

Я снимаю кольцо и протягиваю руку к ближайшей вещи. Может, здесь что-нибудь осталось.
Хоть что-нибудь.

– Кензи, это не фокус для вечеринок, – сердито одергиваешь ты.

Я откладываю безделушку, и она катится в твою сторону через стол. Ты учишь меня читать – вещи, не людей, – и я, наверное, неудачно пошутила, и слишком кривлялась, пытаюсь придать своему занятию театральный эффект.

– Существует только одна причина, по которой Хранители наделены способностью читать вещи, – строго замечаешь ты. – Мы можем лучше охотиться. Это помогает нам выслеживать Истории.

– Но она все равно пустая, – бормочу я.

– Конечно да, – говоришь ты, подняв безделушку и покрутив ее между пальцами. – Это просто пресс-папье. И ты должна была понять это, как только к нему прикоснулась.

В самом деле, оно было абсолютно безжизненным. Я не

ощутила гудения, когда коснулась его. Ты возвращаешь мне кольцо, и я надеваю его на палец.

– Не все содержит воспоминания, – поясняешь ты. – И не каждое воспоминание достойно того, чтобы его сохраняли. Плоские поверхности – стены, полы, предметы мебели – как холсты у картин. На них прекрасно запечатляются события. И чем объект меньше, тем хуже он удерживает информацию. Но, – и ты поднимаешь стеклянное пресс-папье в своей руке так, что я вижу в нем кривой отраженный мир, – если она там сохранилась, ты обязана почувствовать это с первого прикосновения. На большее у тебя не будет времени. Если Истории удастся выбраться во Внешний мир...

– А как они это делают? – спрашиваю я.

– Убивают Хранителей или воруют ключ. Все возможно. – Ты кашляешь надсадным, мокрым кашлем. – Но это непросто.

Ты снова заходишься в кашле, и я хочу чем-то помочь тебе. Как-то я предложила тебе стакан воды, а ты прорычал, что вода ни черта не исправит, если я только не решила утопить тебя в ней. Так что теперь мы оба делаем вид, будто никакого кашля нет, а кашель запятыми и точками перемежает твои рассказы.

– Но, – продолжаешь ты, отдышавшись, – если История оказывается снаружи, ты должна ее выследить, и как можно скорее. Чтение воспоминаний должно стать твоей второй натурой. Это не игрушки, Кензи. И не забава с фоку-

сами. Мы способны читать прошлое для одной-единственной цели: чтобы охотиться.

Я прекрасно знаю, для чего предназначен мой дар, но продолжаю рыться в фотографиях в рамках, листках бумаги и прочем сентиментальном мусоре, оставленном мамой. Я надеюсь найти хотя бы слабый след, хоть какие-то крупинцы воспоминаний, оставшиеся от Бена. Но ничто не имеет значения – они бесполезны. Добравшись до наградного кубка из лагеря, я совсем отчаиваюсь. Я беру его в руки, и у меня екает сердце: едва различимый гул щекочет мои пальцы, что-то обещаая. Но закрыв глаза и потянувшись к этому гулу, я вижу лишь свет и разводы, такие смазанные, что ничего не понять.

Мне хочется разбить кубок о стену: оставить после себя новую вмятину, уже на новой квартире. Замахнувшись, я вдруг замечаю какую-то черную пластмассовую белиберду, на которую вначале не обратила внимания. Бросив кубок на кровать, из груды ненужного хлама я вынимаю пару искривившихся, старых очков.

Моя душа уходит в пятки. Это черная оправа от очков, это единственная вещь из коробки, которая на самом деле ему принадлежала. Бен надевал их, когда хотел казаться серьезным. В такие моменты к нему можно было обращаться не иначе, как «профессор Бишоп», хотя так называли папу, а папа не носил очков. Я пытаюсь представить себе брата. Вспомнить его глаза в рамках оправы, и то, как он улыбает-

ся, прежде чем ее надеть.

Безуспешно.

Мое сердце разрывается на части, и я смыкаю пальцы на оправе. И в тот самый момент, когда уже собираюсь отложить ее, я чувствую нечто слабое, очень далекое и в то же время зажатое в моей ладони. Едва слышный гул, как после звона колокола. Легкий, как перышко, он едва уловим, и я закрываю глаза, делаю медленный вдох, сосредотачиваясь, и тянусь к нити воспоминаний. Она так тонка, что выскальзывает из моих пальцев, но мне все же удастся схватить ее. Тьма перед моими глазами отступает, сменяется серой пеленой, которая в свою очередь расплзается на фигуры, и из них складывается картинка.

Здесь даже недостаточно памяти, чтобы запечатлеть сцену целиком – лишь картинка, в которой смазаны все детали. Но это не имеет значения, потому что Бен – ладно, фигура, напоминающая Бена, – стоит перед фигурой, похожей на папу, водрузив на нос оправу и задрав подбородок. Он смотрит на папу снизу вверх и пытается не улыбаться, потому что, по его мнению, только хмурое лицо можно считать серьезным. Времени хватает ровно на то, чтобы Бен все же успел улыбнуться, и воспоминание блекнет, распадается и превращается в серую пелену, которую затягивает мрак.

В ушах шумит кровь, я отчаянно сжимаю вещьцу в руках. Мне не нужно ничего отматывать назад: в хрупкой пластиковой оправе поместился только этот небольшой отрезок вре-

мени, и спустя несколько мгновений тьма отступает вновь, и та же сценка проигрывается с самого начала. Я смотрю ее еще пять раз, все надеясь, что она обретет четкость и перерастет в нечто большее, но потом делаю над собой нечеловеческое усилие и заставляю себя остановиться. Я отмаргиваюсь, картинка отступает, и вот я уже сижу в необжитой спальне, заставленной коробками, и баюкаю на ладонях очки своего мертвого брата.

Руки страшно трясутся, и я даже не могу сказать: от горя это, от злости или от страха. От страха, что я неминуемо его потеряю. Не просто позабуду его лицо – это начало забываться почти сразу, – а потеряю все метки, которые он оставил в этом мире.

Я кладу очки у постели, остальные вещи возвращаю назад, в коробку. Я уже собираюсь снова надеть кольцо, как меня осеняет. Метки. Наш предыдущий дом был совсем новым, когда мы в него въехали. Каждая царапина была нашей, как и каждый след, и у каждого была своя история.

Теперь, оглядываясь на комнату, заполненную не только коробками, но и собственными метками, я хочу узнать, что скрывается за ними. Точнее, какая-то часть меня хочет, в то время как другая считает, что ничего хуже нельзя придумать. Но ее я не слушаю. Блаженство в неведении, если его не пересиливает любопытство. *Любопытство открывает дорогу состраданию*, предупреждающе звучит голос деда в моей голове, и я об этом помню, но здесь даже нет Ис-

торий, к которым можно почувствовать это пресловутое сострадание. Именно поэтому в Архиве меня не похвалят, если станет известно, чем я тут занимаюсь. Там не поощряют внеклассное чтение.

Но это *мой* талант, и мир не перевернется, если я лишний раз его использую. К тому же сегодня я уже нарушила правила, читая вещи Бена, так что лишнее нарушение погоды не сделает. Я расчищаю место на полу, и стоит моим пальцам коснуться половиц, как он отзывается низким гудением. Здесь, во Внешнем мире, полы – лучшие хранилища информации.

Я тянусь, и пальцы начинает покалывать. Холодная немота проникает в мои руки и поднимается до локтей, и граница между полом и моей кожей растворяется. Перед моими закрытыми глазами комната обретает свои очертания – вроде бы такая же, но уже не та. Сначала я вижу саму себя, разглядывающую коробку с вещами Бена. Все цвета словно выгорели, и картинка кажется мутноватой, как рисунок на песке – она уже начала блекнуть.

Ухватившись покрепче, я начинаю переключаться на более ранние воспоминания.

Они проматываются как пленка на проекторе.

Время отступает, и комната наполняется тенями, которые двигаются по полу, перехлестывая друг друга и снова расходясь. Коробки исчезают, и в комнате пусто. Но это не конец. За пологом мрака я чувствую другие воспоминания и начи-

наю проматывать быстрее, разыскивая других людей и другие истории. Ничего, снова ничего, и затем вспыхивают воспоминания.

Ровные поверхности удерживают два типа воспоминаний: выжженные силой эмоций и запечатленные повтором, и выглядят они по-разному. Первые – яркие, четкие, резкие. А эта комната полна картинками второго типа: тусклыми, долгими днями привычки, оттиснутыми на поверхности: годы, сжатые в моменты, так что все вместе это походит на слайд-шоу. Я вижу выцветшие кадры: стол темного дерева, стеллажи с книгами, мужчина, ходящий между ними, как маятник, и женщина, вытянувшаяся на диване, – какая-то пара в годах. Изображение становится немного ярче, когда они ссорятся, но стоит женщине захлопнуть дверь, как цвета снова блекнут, а затем снова наступает темнота.

Долгая, непроницаемая темнота.

И все же я чувствую что-то под ее покровом.

Что-то яркое, живое, подающее надежды.

Немота поднимается выше по моим рукам и добирается до груди, а я сильнее прижимаю ладони к половицам и тянусь через темноту. У меня в глазницах возникает тупая боль, и чернота наконец уступает свету и памяти. Я слишком сильно отмотала. Сцены сменяют одна другую слишком быстро, превращаясь в размытые кляксы, и мне приходится вытягивать время до тех пор, пока оно не замедлится, и навалиться на него, чтобы оно, содрогнувшись, наконец замерло.

Я понимаю, что стою на коленях посреди комнаты, которая моя и не моя одновременно.

Я собираюсь мотать дальше, но что-то меня останавливает. На полу, в полуметре от меня, какая-то темная лужа и осколки стекла. Я поднимаю голову.

Комната на первый взгляд кажется милой и немного старомодной: все нежное, светлая мебель с мелкими цветочками... Но белье на постели беспорядочно смято, а содержимое шкафа – книги и безделушки – перевернуто вверх дном. Я ищу дату, так, как учил дед – собираю хлебные крошки с земли, оставляю закладки – на случай, если понадобится вернуться, и вижу на столе маленький календарь, но могу различить только надпись «март», а года не вижу. Я ищу другие «говорящие» признаки: синее платье, слишком яркое для выцветшего воспоминания, перекинута через маленький стул. На прикроватном столике лежит книга в черной обложке.

В моей груди появляется сосущее чувство, когда я мотаю воспоминание вперед, и в комнату входит молодой парень. Вся его рубашка, как и руки до самых локтей, залита той же темной жидкостью. Она капает с его пальцев, и даже через мутную призму времени я могу разглядеть, что это кровь.

Он смотрит на свою кожу с таким выражением, будто готов вылезти из нее.

Покачнувшись, он падает на колени рядом со мной, и несмотря на то, что он не может ко мне прикоснуться,

несмотря на то, что меня на самом деле там нет, я невольно отшатываюсь прочь, стараясь не отрывать руки от пола. Парень тем временем вытирает руки о рубашку. Он ненамного старше меня – вряд ли ему больше девятнадцати. Его темные волосы зачесаны назад, но некоторые пряди падают на лицо, когда он начинает раскачиваться взад-вперед. Его губы движутся, но голоса крайне редко сохраняются в воспоминаниях, и все, что я слышу, – *шшшшш*, как радиопомехи.

– Маккензи! – зовет мама. Ее голос, далекий и словно нереальный, искажен слоем времени.

Парень прекращает раскачиваться и встает на ноги. Его руки повисают вдоль туловища, и тут меня чуть не выворачивает. Я понимаю, что это не его кровь. У него нет порезов на теле. Одна рука немного расцарапана, но не настолько, чтобы потерять такое количество крови.

Чья это кровь на его руках? И чья это комната? Здесь висит платье, и я сомневаюсь, что мебель в нежных цветочках принадлежит ему...

– Маккензи! – зовет мама уже ближе, и я слышу звук поворачиваемой дверной ручки. Я чертыхаюсь, открываю глаза и отдергиваю руки от пола. Картинка тут же исчезает, оставляя после себя приглушенную головную боль. Я едва успеваю встать на ноги, и тут врывается мама. И прежде чем я успеваю вынуть из кармана кольцо и надеть его, заключает меня в сокрушительные объятия.

Я задыхаюсь, и меня смывает волной не просто шума, а

«холодно страшно холодно как же пусто радостной будь радостной не плачь в подушку пока не можешь уснуть будь радостной маленькая спальня коробки с «Б» вычеркнуто ничего не помогает не могла его спасти должна была быть рядом должна была», и я не могу отразить этот поток запутанного воспаленного сознания. Я пытаюсь возвести между нами стену – ментальную версию барьера, но она получается хрупкой, как из стекла. Попытка сопротивляться усиливает головную боль, но, по крайней мере, я отгородилась от беспорядочных мыслей мамы.

У меня начинает кружиться голова, я осторожно высвобождаюсь из ее объятий и неуловимым движением возвращаю кольцо на место. Остатки шума отступают.

– Маккензи, прости, – говорит она, а я с трудом понимаю, где нахожусь, и с трудом осознаю, что она извиняется не за боль, которую причинила своими объятиями, что она не знает, почему я так не люблю, чтобы меня трогали. Что парень в окровавленной одежде не здесь, а за многие годы от меня, что я в безопасности и злюсь на маму за то, что она выбросила вещи Бена. Я хочу оставаться злой, но эмоции блекнут и отступают.

– Все нормально, – мямлю я. – Я все понимаю.

Хотя на самом деле ничего не нормально и я ничего не понимаю, а мама должна почувствовать это, но она не может.

Она легонько вздыхает и протягивает руку, чтобы поправить локон волос, выбившийся из-за моего уха. Мне стоит

нечеловеческих усилий не скривиться от ее прикосновения.

— Ужин готов, — говорит она таким обыденным тоном, будто мы только что играли с ней в шашки. Будто все нормально. Будто мы дома, а не пытаемся спрятаться от воспоминаний о Бене в крепости из картонных коробок в старом отеле. — Ты не поможешь мне накрыть на стол?

Я не успеваю спросить, знает ли она, где этот пресловутый стол, но следуя за ней в гостиную, где они с папой каким-то образом освободили от коробок небольшую площадку. Они собрали обеденный стол и разложили на нем картонные коробочки с китайской едой.

Стол пока — единственный собранный предмет мебели в квартире. Со стороны, наверное, кажется, что мы ужинаем посреди острова из упаковочных материалов. Мы едим из тарелок, извлеченных из коробки с экстравагантной надписью «КУХНЯ — ХРУПКОЕ». Мама воркует о Коронадо, а папа одобрительно мычит, ахает и охает, где нужно и где не нужно. Я смотрю сквозь свою тарелку и повсюду вижу очертания Бена, даже когда закрываю глаза. Поэтому мне приходится вести неравную борьбу с запеченными на гриле овощами.

После ужина я ставлю коробку Бена в свой шкаф вместе с парой коробок с надписью «Дед». Их я запаковывала сама, клятвенно пообещав, что найду для них место: я боялась, что мама в конце концов просто избавится от них. Но я никогда бы не подумала, что она поступит так с вещами Бена. Я оставляю глупого голубого медведя, сажаю его у постели

и водружаю ему на нос оправу от очков.

Я пытаюсь разбирать вещи, но мои глаза сами собой возвращаются в центр комнаты, туда, где сидел перепачканный кровью парень. Отодвинув коробки в сторону, я почти разглядела темные пятна на полу. Теперь, стоит мне опустить глаза, я вижу только их. Но кто знает, могут ли это быть капли его крови? Не *его* крови, напоминая я сама себе. А *чьей-то*. Я снова хочу прочитать воспоминания: если быть честной, только часть меня хочет, а другая часть не в восторге от этой идеи. В конце концов это всего лишь моя первая ночь в новой комнате. Но мама снова и снова находит разнообразные предлоги, чтобы войти, иногда вообще без стука. Так что если мне действительно хочется спокойно все прочесть, нужно исключить подобные вмешательства. Придется подождать до утра.

Я достаю простыни и застилаю кровать, поеживаясь при мысли о том, что придется спать там, где произошло подобное, пусть и много лет назад. Уговаривая себя, что это глупо – бояться того, что давно случилось, я все равно не могу заснуть.

Мои мысли переключаются от смазанного образа Бена к заляпанному кровью полу, и в конце концов так переплетаются, что я уже вижу его самого среди осколков стекла, разглядывающего перепачканную кровью одежду. Я сажусь на кровати и смотрю в окно. Я ожидаю увидеть свой привычный двор и дом Линдси напротив, но вижу лишь безмолвный

город. В этот момент мне еще сильнее хочется домой, чтобы можно было высунуться из окна и увидеть, как Линдси сидит на крыше и смотрит на звезды. Глубокая ночь – единственное время, когда она позволяла себе лениться и бездельничать. Мне кажется, ей было совестно даже за эти короткие моменты. Я сбегала из дома по Коридорам – через три перехода и лавку мясника – и вот я уже подходила к ней и устраивалась рядом, а она никогда не спрашивала, откуда я взялась. Она смотрела в небо и начинала говорить с середины предложения, будто я сидела с ней с самого начала. Будто все это в порядке вещей.

Обычно.

Настала пора сделать чистосердечное признание: иногда я мечтаю о том, чтобы стать обычной девушкой. Даже представляю себе ее: она выглядит совсем как я, и так же разговаривает, но это не я. И понятно почему: у нее такая открытая улыбка, и ее так легко рассмешить, прямо как Линдс. Ей не нужно таскать серебряное кольцо и нелепый заржавленный ключ. Она не умеет читать прошлое и не охотится за неупокоенными мертвецами. Иногда я представляю себе, как она занимается обычными, житейскими вещами. Запихивает учебники в школьный ящик. Валяется в шезлонге у бассейна в окружении подружек, которые купаются и щебечут о том о сем, а она перелистывает глупые девичьи журналы. Сидит на диване и смотрит фильм, а подруга пытается забросить в ее открытый рот зернышки попкорна. И почти

все время промахивается.

Она устраивает вечеринку.

Идет танцевать.

Целует парня.

И она так... счастлива.

М. Так я зову ее, эту обычную, несуществующую себя.

Не могу сказать, что никогда не занималась ничем подобным: не целовалась, не танцевала и не тусовалась. Конечно, я это делала. Но то была фальшивка, маска, ложь. Я прекрасно умею пускать пыль в глаза, а обмануть саму себя не могу. Я могу сколько угодно изображать из себя *М.*, носить ее, как маску. Но я не могу *быть* ею. И мне в нее никогда не превратиться.

М. никогда бы не увидела окровавленных людей в своей спальне.

М. не стала бы перебирать вещи погибшего брата, чтобы хоть одним глазком увидеть его.

Страшная правда состоит в том, что я знаю, почему любимой футболки Бена, как и нашивки, и синих карандашей, нет в злополучной коробке. Эти вещи были с ним в тот день, когда он погиб. Он надел футболку, положил нашивку в карман, а карандаши – в рюкзак, как всегда, в любой обычный день. Потому что это и был самый обычный день, до того момента, как Бен сделал шаг с тротуара напротив школьного двора, и вдруг на красный свет на него пронеслась машина.

И даже не остановилась.

Что бы делали вы, если бы знали, кто виноват, но не имели возможности найти и наказать виновного? Как бы вы закрывали дело, как это принято в полиции? Как бы двигались дальше?

Скорее всего, вы не двигались бы дальше. Вы бы двинулись *прочь*.

Мне хочется его увидеть. Не размытую кляксу, очертаниями напоминающую Бена, а его настоящего. Хотя бы на мгновение. Чем больше я о нем думаю, тем быстрее он исчезает из моей памяти. Я чувствую, что он бесконечно далеко от меня, и попытка ухватиться за безжизненные, пустые вещи его не вернет. Но я знаю, что может мне помочь.

Я встаю, скидываю пижаму и надеваю черные штаны и черную же водолазку – свою привычную униформу. Мой Архивный лист лежит на столе, немой и пустой. Я кладу его в карман. Мне все равно, что на нем не написано имен, – я все равно попаду в Коридоры. Только Коридорами я могу добраться до нужного места.

До Архива.

Глава четвертая

Выглянув из спальни, я обнаруживаю, что в квартире царит полная тишина. Проскользнув в гостиную, замечаю тонкую полосу света под дверью родительской спальни, и затаив дыхание. Надеюсь, папа просто заснул с книгой и включенным ночником. Ключ от квартиры, как награда, торжественно свисает с крючка у входной двери. Здесь все такое старое и обветшалое, что я боюсь выдать себя каждым шагом. Но мне каким-то чудом удается добраться до ключа, ни разу не скрипнув половицами. Осталась только дверь. Весь фокус в том, чтобы поворачивать ручку постепенно и равномерно. Я ухитряюсь проделать его, выбираюсь на свободу, закрываю за собой дверь 3F и поворачиваю в холл.

И замираю.

Оказывается, я не одна.

Посреди коридора, опираясь спиной о стену рядом с Мариной, стоит парень моего возраста. Он смотрит вверх, в потолок – или сквозь него. Тонкий шнур от наушников черной полоской проходит по его скулам и шее. Кажется, отсюда даже слышен шепот музыки. Я делаю беззвучный шаг, но он тут же лениво поворачивает голову и смотрит на меня. И вдруг улыбается. Улыбается так, будто застал меня врасплох, будто я действительно сбегая из дома.

На самом деле так оно и есть.

Его улыбка напоминает мне о картинах, которые я здесь видела. Ни одна не висит идеально ровно. Так же и его губы – одна сторона изгибается чуть выше другой. У него черные волосы, шипами торчащие в разные стороны, и мне почему-то кажется, что его глаза подведены.

Парень меж тем закрывает их и снова слегка запрокидывает голову, словно говоря: ладно, я тебя не видел. Но хитрая улыбка не сходит с его лица, и снисходительное молчание не отменяет того факта, что он преграждает мне дорогу к брату, спиной подпирая дверь в Коридоры. Замочная скважина как раз где-то под его локтем.

В первый раз за все это время я искренне радуюсь, что Коронадо такой старый. Сейчас мне очень пригодится вторая дверь. Старательно изображая девчонку-которая-сбега-ет-из-дома, я, гордо задрав подбородок, шествую через холл к северной лестнице (если бы я пошла по южной, это выглядело бы подозрительно). Черные брюки и водолазка плохо сочетаются с этим образом, но тут уж ничего не поделаешь.

Парень не открывает глаз, но его улыбка делается еще шире, когда я прохожу мимо. Удивившись, я спускаюсь по лестнице. Она ведет с третьего этажа на второй, где упирается в площадку парадной лестницы, каскадом спускающейся в вестибюль. Ступени устилает бордовый ковер, похожий на язык гигантского животного. Из-под моих ног взлетают облачка пыли.

Верхний свет потушили, и в загадочном полумраке кажет-

ся, будто в зале под лестницей мелькают тени. Вывеска на противоположной стене выцветшим курсивом шепчет «КА-ФЕ». Нахмурившись, я сосредотачиваюсь на том участке стены над лестничным пролетом, где, как мне показалось, видела трещину. Теперь этот фрагмент обоев таится в темноте между двумя островками света от настенных ламп. Я шагаю ближе и провожу пальцами по узору из геральдических лилий. Нашла.

Я кладу кольцо в карман и выуживаю из-за пазухи ключ деда. Свободной рукой нащупываю замочную скважину, вставляю в нее ключ и поворачиваю его. Спустя мгновение после металлического щелчка контуры двери проступают в виде тоненькой полоски света.

Коридоры вздыхают, когда я шагаю в их полумрак. Серый воздух и слабый шепоток, такой далекий, что превратился в едва различимые звуки. Я шагаю вперед, держа в руке ключ, и отыскиваю помеченные двери: белый заштрихованный круг, обозначающий Возврат, а справа от него – пустой кружок, помечающий Архив.

Я останавливаюсь, собираюсь с силами, и шагаю во вторую дверь.

В тот день, когда я стала Хранителем, ты держал меня за руку.

Прежде ты никогда не держал меня за руку. Ты избегал любого соприкосновения, и я уже начинаю понимать по-

чему. Но в тот день, когда ты берешь меня с собой в Архив, ты крепко сжимаешь своими иссохшими пальцами мою ладонь и ведешь меня. Мы не надели колец, и я уже предвкушаю, что меня захлестнет волна твоих эмоций и мыслей, но я не чувствую ничего – только тепло твоего прикосновения. Я думаю, почему так получается: из-за того, что ты умираешь, или ты научился мастерски отгораживаться от окружающего мира? Мне никогда не освоить эту способность. Что бы ни было тому причиной, я чувствую только твою хватку, и я этому рада.

Мы входим в первый зал: просторное место с округлыми стенами, отделанными темным деревом и светлым камнем. Ты говоришь, что это приемная. Я не вижу ламп или люстр, но здесь очень светло. Дверь, через которую мы вошли, отсюда кажется больше, чем со стороны Коридоров, и уже старой, поизносившейся.

Над дверью в Архив притолока отделана светлым камнем. На нем вырезана надпись: *SERVAMUS MEMORIAM*. Я пока не знаю, что это значит. Три вертикальные линии – символ Архива – выбиты между словами, а под ними выстроился ряд римских цифр. В дальнем конце зала за большим столом сидит женщина. Она что-то оживленно строит в объемистом фолианте. На краю стола – табличка «Соблюдайте тишину». Заметив нас, женщина с готовностью откладывает ручку, и я понимаю: нас ждали.

У меня начинают трястись руки, но ты только крепче

сжимаешь мою руку.

– Кензи, ты самая лучшая, – шепотом подбадриваешь ты, а женщина жестом приглашает нас к большим двустворчатым дверям за своей спиной. Они распахиваются в стороны, как крылья. И там, впереди, я вижу сердце Архива: бескрайний Атриум, усеянный рядами полок. Женщина не встает, чтобы проводить нас, но, когда мы минуем ее, она приветствует тебя уважительным кивком и шепчет: «Энтони».

Ты ведешь меня дальше.

Здесь нет окон, потому что нет ничего вовне, но сводчатый стеклянный потолок над нами распространяет свет. Такое ощущение, будто у зала из дерева и мрамора нет ни начала, ни конца. Бескрайний стол проходит по центру как позвоночник, а от него ребрами в обе стороны ответвляются шкафы. Разделение на секции ограничивает пространство и делает его немного уютнее. Так оно кажется не таким неохватным.

Архив в точности такой, как ты рассказывал: лоскутное одеяло из дерева, камня и витражей, и чувство безмятежного покоя.

Но кое-что ты все же упустил.

Здесь красиво.

Так красиво, что я даже на мгновение забыла, что все эти шкафы вокруг заполнены телами. Что в изящных, отделанных деревом ящиках на полках лежат Истории.

На торце каждого ящика приделана затейливая латунная рамка, а в ней – табличка с именем и датами. Как просто оказалось об этом забыть.

– Потрясающе, – говорю я слишком громко. Слова эхом разносятся по залу, и я корчу смущенную рожицу, вспомнив предупреждение на столе Библиотекаря у входа.

– Не поспоришь, – слышится тихий незнакомый голос. Я оборачиваюсь: на краю стола, сунув руки в карманы, примостился мужчина. Он выглядит необычно – высокая худощавая фигура, пышная черная шевелюра, спадающая на лоб, и мудрые серые глаза на молодом лице. Его одежда ничем не привлекает внимания – простые брюки и свитер, но на ногах у него ярко-красные «конверсы». Я невольно улыбаюсь. Несмотря на легкомысленные кеды, взгляд у него цепкий, сосредоточенный, а поза напряженная – он как собранная пружина. Даже если бы я встретила его в толпе на улице, сразу почувствовала бы: он – Библиотекарь.

– Роланд, – кивком приветствуешь ты.

– Энтони, – отвечает он, соскочив со стола. – И это – твой выбор?

Кажется, вы говорите обо мне. Ты выпускаешь мою руку и делаешь шаг назад, представляя нас друг другу.

– Да, это она.

Роланд удивленно изгибает бровь, а затем улыбается теплой, искренней улыбкой.

– Думаю, будет забавно. – Он жестом указывает на пер-

вое крыло, ответвляющееся от Атриума. – Если вы последуете за мной... – И, не договорив, он уходит. Ты уходишь за ним. А я остаюсь. Мне хочется задержаться здесь. Пропитаться этим странным чувством вездесущей тишины. Но пока мне это не дозволено.

Ведь я еще не Хранитель.

Когда я вхожу в приемную и вижу за столом незнакомого мужчину-Библиотекаря, то на секунду теряюсь. Меня охватывает нелепый страх, простой и сильный: вдруг моя семья перебралась слишком далеко, вдруг мы пересекли невидимую границу и оказались уже на другой ветви Архива. Роланд успокаивал меня, что этого никогда не произойдет, что каждая ветвь обеспечивает сотни километров городов и пригородов, но я все равно не могу совладать с паникой.

Я смотрю через плечо на каменную притолоку со знакомой надписью. Благодаря двум семестрам латинского (это была папина идея) я знаю, что она гласит: «Оберегаем прошлое». Римских цифр под надписью так много и они так мелки, что издалека напоминают узор на камне. Я как-то спросила, что это, и мне сказали, что это номер нашей ветви. Я до сих пор не смогла его разобрать, но просто запомнила узор, и теперь понимаю – он не изменился. Я немного прихожу в себя.

– Мисс Бишоп.

Этот спокойный голос мне знаком. Повернувшись к столу,

я вижу, что из-за боковых дверей вышел Роланд, такой же высокий и подтянутый, как всегда, с непринужденной улыбкой и в красных кедах. Он совершенно не меняется. Я с облегчением вздыхаю.

– Эллиотт, можешь идти, – говорит он человеку за столом. Тот с кивком встает и скрывается за дверьми.

Роланд садится и закидывает ноги на стол. Порывшись в ящиках, извлекает пестрый журнал: какой-то модный альманах, который я ему принесла. Мама выписывает себе всякую макулатуру, а Роланд старается быть осведомленным во всех делах Внешнего мира. Я знаю, что большую часть своего времени он проводит, бегло просматривая новые Истории, наблюдая за миром через их жизни. Интересно, он делает это от скуки или по какой-то другой причине? Глаза Роланда пронизывает какая-то эмоция, и мне не понятно какая – боль или тоска.

Возможно, он скучает по Внешнему миру. Хотя и не должен. Библиотекари посвящают себя Архиву, оставляя позади прошлое и Внешний мир, – на все время своей службы, которое они сами устанавливают. Роланд говорил мне, что получить пост Библиотекаря – большая честь, ведь в кончиках твоих пальцев сосредоточится все мировое знание. Ты будешь оберегать прошлое – SERVAMUS MEMORIAM – и все в этом духе. Но я чувствую, что он скучает по солнцу, закатам и рассветам, по морю, свежему воздуху – и можно ли его в том винить? За пышный титул, более долгий жиз-

ненный срок и необъятный материал для чтения приходится платить высокую цену.

Он протягивает мне журнал:

– Ты что-то побледнела.

– Можешь оставить его себе, – отвечаю я, немного смущенная. – И у меня все нормально.

Роланд понимает, насколько я боюсь потерять эту ветку Архива. Иногда мне вообще кажется, что рабочие обязанности и возможность приходить сюда – единственное, что позволяет мне не сойти с ума. Большая слабость, и я это понимаю.

– Мне просто на мгновение показалось, что я вернулась не туда.

– А, из-за Эллиотта? Он у нас по обмену, – успокаивает Роланд. Порывшись в ящиках стола, он вытаскивает маленькое портативное радио и ставит его на стол рядом с табличкой «Соблюдайте тишину». Раздаются мягкие звуки классической музыки. Интересно, он включает ее специально, чтобы позлить Лизу? Она с трепетом относится к любым предписаниям. – Перевелся из другого места. Говорит, хотел сменить обстановку. Итак, что привело тебя в Архив этой ночью?

Я хочу увидеть Бена. Хочу поговорить с ним. Мне необходимо быть ближе к нему. Кажется, я схожу с ума.

– Не могла уснуть, – соврала я, пожав плечами.

– Быстро же ты добралась.

– В моем новом месте сразу две двери. Прямо в здании.

– Всего две? – поддразнивает он. – Ну и как, уже освоилась?

Я провожу пальцем по старинному фолианту, лежащему на столе.

– Очень своеобразное место.

– Ладно тебе, Коронадо не так плох.

Мне страшно. В моей спальне случилось что-то ужасное.

Это мысли слабого человека. Ими не стоит делиться.

– Мисс Бишоп, – обращается он ко мне официальным тоном, пытаясь отвлечь от мрачных мыслей.

Я ненавижу, когда Библиотекари со мной церемонятся. Но это не касается Роланда: когда он так говорит, мне всякий раз кажется, будто он вот-вот улыбнется и подмигнет. В его устах официоз кажется шуткой.

– Да, он не так уж плох, – в конце концов сдаюсь я. – Просто слишком стар.

– Нет ничего плохого в старости.

– Тебе лучше знать, – соглашаюсь я. Это скользкая тема. Роланд не хочет рассказывать, как давно он здесь работает. Он не может быть очень старым: по крайней мере, он так не выглядит – одним из преимуществ работы в Архиве является сохранение молодости – но сколько я ни пыталась выведать о его жизни до Архива, о том, как он сам ловил Истории, он тут же менял тему или отделялся общими словами. То же касается и его работы в Архиве. Я слышала о том, что

Библиотекари работали по десять-пятнадцать лет, а потом уходили на пенсию – если возраст не проявляется внешне, это не значит, что они его не ощущают. Но насчет Роланда я ничего не могу сказать. Я помню, он вскользь упоминал о Москве и как-то раз, забывшись, о Шотландии.

Музыка волнами струится вокруг.

Он опускает ноги на пол и начинает наводить порядок на столе.

– Я могу тебе чем-то помочь?

Бен. Я больше не могу извиваться, как уж на сковородке, и больше не могу врать. Мне нужна его помощь. Только Библиотекарю под силу ориентироваться в лабиринтах Архива.

– На самом деле... Я надеялась...

– Даже не проси меня об этом.

– Ты ведь не знаешь, о чем я хотела...

– Эти паузы и виноватый вид выдают тебя с головой.

– Но я...

– Маккензи!

Я вздрагиваю – он не так часто называет меня по имени.

– Роланд. Пожалуйста.

Он смотрит на меня и ничего не говорит.

– Я не смогу найти его сама, – настаиваю я, стараясь говорить как можно спокойнее.

– Ты не должна его искать.

– Я уже не просила об этом несколько недель, – канючу я.

Потому что просила Лизу.

Длится еще одно бесконечное мгновение, и в конце концов Роланд сдается и медленно закрывает глаза, словно признав свое поражение. Нашупав блокнот такого же размера, как мой Архивный листок, он что-то в нем пишет. Спустя полминуты у стола снова появляется Эллиотт, держа в руке свой блокнот. Он вопросительно смотрит на Роланда.

– Извини, что вернул тебя, – говорит Роланд. – Я ненадолго.

Эллиотт кивает и молча занимает свое место. Приемную никогда не оставляют без присмотра. Я прохожу за Роландом в Атриум. Тут и там вижу Библиотекарей, и издали узнаю Лизу: пучок темных пышных волос плывет вдоль боковой полки и исчезает в проходе. Я стараюсь не отвлекаться на грандиозный потолок, на витражи, не задерживаться и не позволять безмолвной красоте вгонять себя в оцепенение: вдруг это заставит Роланда передумать? Я сосредотачиваюсь на полках, которые ведут меня к Бену.

Я пыталась запоминать путь – чтобы не запутаться, в какое из десяти крыльев мы опускаемся, какой лестницей поднимаемся вверх. Считаю повороты, когда мы идем по галереям. Но мне так и не удалось запомнить дорогу: даже в моменты, когда я была почти уверена, ничего не срабатывало. Не знаю, во мне ли дело, или в том, что путь может меняться. Может, они меняют полки местами. Я вспоминаю, как раньше любила реорганизовывать свою коллекцию фильмов: один день от лучшего к худшему, другой – по цвету облож-

ки, третий – по алфавиту... Каждый, кто теперь лежит на полках, скончался под юрисдикцией этой ветви Архива, но, кроме этого, никаких постоянных методов организации полок нет. Потому, как ни крути, только Библиотекари могут свободно здесь перемещаться.

Сегодня Роланд ведет меня новым путем: вдоль атриума, потом вниз к шестому крылу, пересекает несколько маленьких галерей, через внутренний дворик и небольшую деревянную лестницу. В конце концов мы останавливаемся перед большой просторной комнатой для чтения. Пол покрывает красный ковер, по углам расставлены кресла, но главное здесь – стены, занятые ящиками.

Панель каждого ящика размером с торец гроба.

Роланд тихонько кладет руку на одну из них. Над его пальцами я вижу белую табличку в латунной рамке. Под рамкой – замочная скважина.

И тут Роланд отворачивается.

– Спасибо, – шепчу я, когда он уходит.

– Твой ключ все равно не сработает, – шепчет он в ответ.

– Я знаю.

– Это уже не он, – мягко добавляет Роланд. – Точно не он.

– Я знаю, – повторяю я, делая шаг к ящику. Мои пальцы замирают над табличкой с именем.

БИШОП, БЕНДЖАМИН ДЖОРДЖ

2003–2013

Глава пятая

Я провожу пальцами по надписи, и снова оказываюсь в прошлом году. Я сижу на одном из этих больничных стульев, которые вроде бы выглядят удобными – но дело в том, что в больнице не может быть ничего удобного. Прошло уже три года, как не стало деда. Мне пятнадцать, а Бену десять, и он мертв.

С папой разговаривают полицейские, а врач рассказывает маме, что Бен погиб от удара. От этого слова – *удар* – меня скручивает и рвет прямо в одну из серых больничных мусорок.

Врач пытается объяснить нам, что Бен не успел ничего почувствовать, но это ложь. Это чувствует мама. Это чувствует папа. И это чувствую я. Мне кажется, что мой скелет выдергивают из тела, и я обхватываю себя руками, чтобы удержаться на месте занывшие ребра. В тот день я шла вместе с ним, как обычно, до пересечения улиц Линкольн и Смит, и он, как всегда, нарисовал у меня на руке человечка Бена, а я ему – девочку Мак. Он сказал, что она даже на человечка не похожа, и я согласилась. Тогда он сказал, что я странная, а я ответила, что он опаздывает в школу.

Через белую простыню я вижу нарисованную на его руке фигурку. Простыня не сдвигается ни на миллиметр, под ней нет никакого движения. Я не могу отвести от нее взгляда,

а мама с папой говорят с врачами, и кто-то кричит, кто-то плачет, а я не могу ничего сделать – только сосредоточиться на мысли, что увижу его снова. Я покручиваю кольцо, этот спасительный серебряный ободок над высокими, до самого локтя, перчатками без пальцев: ведь я никак не могу смотреть на человечка Бена на своей руке. И все кручу и кручу кольцо, вожу большим пальцем по вырезанным на нем полоскам, и твержу себе, что все будет нормально. И это, конечно, вранье.

Бену десять, и он погиб. Но он не потерян. Только не для меня.

Спустя много часов, когда мы не вчетвером, а втроем, убитые горем, возвращаемся домой, я при первой же возможности вылезая из окна и темными улицами бегу к лавке мясника – ко входу в Коридоры.

В приемной Архива за столом сидит Лиза, и я прошу ответить меня к Бену. Когда она говорит мне, что это невозможно, я кричу и требую, чтобы она показала мне путь. Она непреклонна, и я бегом врываюсь в Архив. Я бегаю по комнатам, галереям и переходам, не имея ни малейшего понятия, куда меня несут ноги. Я бегу так, будто знаю, где Бен, так же, как знают это Библиотекари, но это – заблуждение. Я бегу мимо тысяч стеллажей, колонн, рядов и стен с именами и датами, выведенными мелким чернильным шрифтом.

Я бегаю целую вечность.

Я бегаю до тех пор, пока Роланд не хватает меня за руку и

не оттаскивает в боковую комнату, и там, на дальней стене, я вижу имя брата. Роланд отпускает меня на пару мгновений, чтобы закрыть за нами дверь, и под табличкой с именем я вижу замочную скважину. Мой ключ совершенно не подходит ни размером, ни формой, но я срываю с шеи шнурок и с трудом вставляю ключ. Он, конечно же, не поворачивается. Я пробую снова и снова.

Я молочу кулаками по панели, пытаюсь разбудить его. Звук гулких ударов по металлу разрывает бесценную тишину, и Роланд оттаскивает меня в сторону, одной рукой придерживая мне локти, а другой – заглушая мои истошные вопли.

До этого мне так и не удавалось заплакать.

Теперь я сползаю на пол перед ящиком Бена – Роланд еще не выпустил меня – и всхлипываю.

Я снова сижу прямо на полу, на пышном красном ковре. Опираясь спиной о панель, я закатываю рукава и рассказываю Бену про наш новый дом, новый мамин замысел и новую папину работу в университете. Иногда, если мне нечего рассказать, я вспоминаю истории, которыми меня развлекал дед. Так я провожу целые ночи, не всегда осознавая, когда наступает день.

Спустя некоторое время я чувствую знакомое поскребывание и вытаскиваю Архивный листок из кармана. Аккуратный курсив гласит:

Томас Роуэлл, 12.

Я засовываю листок на место и опустошенно откидываюсь назад. Спустя несколько мгновений я слышу мягкие шаги, и поднимаю голову.

– Разве ты не дежуришь в приемной? – замечаю я.

– Сейчас смена Патрика. – Роланд слегка тычет в меня носком своего красного кеда. – Ты не можешь торчать здесь вечно. – Он сползает спиной по стене и устраивается рядом. – Делай свое дело. Найди эту Историю.

– Но это уже вторая за день.

– Коронадо – старое здание. Ты знаешь, что это означает.

– Знаю-знаю. Больше Историй. Счастье привалило.

– Ты никогда не попадешь в Отряд, если будешь и дальше говорить с ящиком на полке.

Отряд – следующая ступень за Хранителями. Каждый Отряд состоит из двух человек, они охотятся парами и выслеживают Убийц Хранителей – те Истории, которым удалось пробраться через Коридоры во Внешний мир. Некоторые на всю жизнь выбирают работу Хранителя, но в основном все двигаются дальше – в Отряд. Единственный пост еще выше – это работа непосредственно в Архиве, Библиотекарем. Я даже представить себе не могу, как можно отказаться от азарта погони, от адреналина и борьбы ради сомнительной прелести распределять мертвых по полкам и наблюдать за жизнью глазами других людей. Еще сложнее представить себе то, что каждый Библиотекарь в прошлом – заядлый охотник

и следопыт. Где-то под рукавами Роланда спрятаны такие же метки Отряда, как и у моего деда. Они тоже имеют при себе знаки Архива, но вырезанные не на серебре, как у меня и других Хранителей, а прямо на коже.

– А кто сказал, что я хочу в Отряд? – вызывающе спрашиваю я, хотя за этим кроется не так уж много смысла.

Дед работал в Отряде с рождения Бена. А потом решил снова стать Хранителем. Я никогда не встречала его партнершу, и он о ней никогда не рассказывал, но уже после его смерти я нашла одну их общую фотографию. Они вдвоем крупным планом, прижимаются плечом к плечу так, что на фотографии почти нет свободного места, и улыбаются одними губами, оставив глаза сосредоточенно-серьезными.

Говорят, партнеры по Отряду повязаны кровью, жизнью и смертью. Интересно, простила ли его эта женщина за то, что он ушел.

– Дед сам отказался от этой работы, – говорю я, понимая, что Роланд все и так знает.

– Как думаешь, почему? – спрашивает он.

– Сказал, что хочет нормальной жизни...

Хранители, не ставшие членами Отряда, разделяются на два больших лагеря. Тех, кто выбирает профессию, где способность читать прошлое людей становится выигрышной, и тех, кто стремится уйти как можно дальше от любого прошлого. Деду, видимо, пришлось нелегко – он стал частным детективом. В его офисе часто шутили, что он продал душу

дьяволу: ведь он мог распутать преступление, просто коснувшись руками какой-нибудь вещи.

– Думаю, на самом деле он имел в виду, что хочет остаться в живых как можно дольше. Чтобы воспитать меня.

– Он сам тебе это сказал? – интересуется Роланд.

– Разве в мои прямые обязанности не входит, – подкалываю я, – знать все, даже если это не было сказано?

Роланд ничего мне не отвечает, поворачивается к ящику Бена и проводит пальцем по табличке с датами и именем. Цифры и буквы должны уже стереться добела – так часто я к ним прикасаюсь.

Роланд вдруг нарушает молчание:

– Странно, что ты постоянно навещаешь Бена, но никогда не приходишь к Энтони.

Я вздрагиваю при неожиданном упоминании имени деда.

– А я смогу увидеть его, если захочу?

– Конечно нет, – деловитым библиотечарским тоном отвечает Роланд, но затем тон его становится по-прежнему теплым и мягким. – Бена ты тоже не можешь увидеть, и это не заставляет тебя отказаться от попыток.

Я закрываю глаза и задумываюсь, подбирая правильные слова.

– Дед словно вырезан в моей памяти. Не думаю, что я смогу забыть его, даже если попытаюсь. А Бен – прошел всего год, и я уже начала забывать. И не могу остановиться. Это невыносимо.

Роланд рассеяннo кивает, но ничего не говорит. Он умудряется сопереживать и быть отстраненным одновременно. Ведь он ничем не может помочь. И не станет помогать. Я приходила к ящику Бена больше двух дюжин раз за прошедший год, и Роланд ни разу не поддался на мои уговоры и не открыл его. Ни разу не позволил мне взглянуть на брата.

– Кстати, где полка деда? – спрашиваю я, меняя тему разговора, не дожидаясь, пока боль в груди станет невозможно терпеть.

– Все члены Архива хранятся в Специальных коллекциях.

– А где это?

Роланд многозначительно изгибает бровь и ничего не говорит.

– Почему их держат отдельно?

Он лишь пожимает плечами.

– Мисс Бишоп, не мы придумываем правила.

Затем он встает и приглашающе протягивает мне руку. Я замираю в нерешительности.

– Маккензи, все нормально, – подбадривает он, сам берет мою ладонь, и я ничего не ощущаю. Библиотекари – настоящие асы во всем, что касается эмоций и воспоминаний. Сейчас он заблокировал свои мысли, выстроил между нами стену. Мама трогает меня, и я никак не могу от нее отгородиться, а рядом с Роландом я снова могу чувствовать себя слепой и глухой – обычной.

Мы идем бок о бок.

– Подожди секунду, – вдруг вспоминаю я и возвращаюсь к полке Бена. Роланд терпеливо ждет, пока я достаю ключ и вставляю его в скважину на ящике брата. Ключ не поворачивается, как и всегда.

Но я никогда не перестану пытаться.

Меня не должно быть здесь. Я могу прочесть это по выражению их глаз.

И тем не менее вот она я: перед столом в большой палате у второго крыла Атриума. Все отделано мрамором, поэтому кажется, будто здесь холоднее, чем в остальном Архиве. На полках нет Историй, только объемистые фолианты, и Библиотекари по другую сторону стола говорят громко, не боясь разбудить мертвых. Неподалеку сидит Роланд.

– Энтони Бишоп, – начинает какой-то мужчина с бородой и острыми, цепкими глазками. Он читает бумаги на столе. – Вы пришли сюда, чтобы объявить свою... – Он поднимает на нас взгляд и замолкает. – Мистер Бишоп, вы же понимаете, что существует возрастной ценз. Ваша внучка будет непригодна еще в течение... – он снова утыкается в бумаги, – четырех лет.

– Она готова к испытаниям, – отвечаешь ты.

– Она не пройдет их, – вмешивается эсеница.

– Я сильнее, чем кажется на первый взгляд, – не сдаюсь я. Мужчина тяжело вздыхает и потирает бороду:

– Энтони, что ты творишь?

– Это мой единственный и окончательный выбор, – говорит дед.

– Какое безрассудство! Ты можешь предложить Питера, своего сына. И если, в случае чего, Маккензи захочет и окажется способной...

– Мой сын для этого не годится.

– Может, ты предвзято...

– Он замечательный, но в нем нет стержня, и он легко носит в себе ложь. Он не годен.

– Мередит, Алан, – вступает Роланд, скрестив пальцы, – дадим ей шанс.

Бородатый Алан возмущенно выпрямляется и смотрит в его сторону:

– Ни за что.

Я украдкой кошусь на деда, в поисках хоть какой-то поддержки – знака или кивка, но он непреклонно смотрит прямо перед собой.

– Я справлюсь, – с нажимом говорю я. – Я не просто его единственный выбор. Я действительно самая лучшая.

Алан озадаченно хмурит брови:

– Прошу прощения?

– Ступайте домой, юная леди! – отрезает Мередит и пренебрежительно машет рукой.

Ты предупреждал меня, что они станут сопротивляться. Ты долгие недели учил меня стоять на своем.

Я выпрямляюсь во весь рост, стараясь казаться больше

и значительнее.

– Только после того, как пройду испытание.

Мерedit досадливо вздыхает, но Алан не поддается:

– Вы. Не. Пригодны.

– Сделайте исключение, – бесцеремонно предлагаю я и боковым зрением вижу, как углы рта Роланда загибаются вверх.

Его улыбка действует на меня, как стартовый флажок на гонщика.

– Просто дайте мне шанс.

– Вы что думаете, это клуб по интересам? Спорт такой? – не выдерживает Мерedit, и ее взгляд мечется между мной и тобой. – О чем вы только думали, когда вовлекли ребенка в этот...

– А я считаю, что это достойная работа, – перебиваю я, стараясь, чтобы мой голос звучал спокойно. – Я к ней готова. Вы, наверное, стремитесь сберечь и защитить меня, или думаете, что я еще недостаточно сильна – но ошибаетесь.

– Вы – неподходящая кандидатура. И разговор окончен.

– Был бы окончен, Мерedit, – спокойно замечает Роланд, – если бы ты принимала здесь решения в одиночку.

– Но я не могу этого допустить... – смущается Алан.

Я теряю контроль над ситуацией. Я не могу проиграть. Если я проиграю, то потеряю тебя.

– Я считаю, что готова, а вы считаете, что нет. Давайте просто выясним, кто прав.

— Ваше самообладание впечатляет. — Роланд поднимается с места. — Но вы должны знать, что не все Истории можно убедить словами. Среди них попадаются проблемные. — Он закатывает рукава. — А иногда встречаются просто жуткие.

Два других Библиотекаря все еще пытаются что-то сказать, но я уже не слушаю. Я сосредотачиваюсь на Роланде. Дед предупреждал меня, что следует быть готовой ко всему, — и был прав, потому что в промежутке между двумя короткими моментами поза Роланда меняется. Едва заметно — плечи расслабляются, слегка сгибаются колени, кисти скручиваются внутрь, — но за долю секунды я понимаю, что он собрался атаковать. От первого удара я уворачиваюсь, но он слишком быстр, даже быстрее деда, и я не успеваю ответить прежде, чем красный кед достает до моей грудной клетки. Я улетаю на пол, перекатываюсь и поднимаюсь на корточки, и когда поднимаю голову, его уже нет.

Я слышу его за мгновение до того, как он обхватывает локтем мое горло, и успеваю вставить между нами руку, чтобы меня нельзя было задушить. Тогда он тянет назад и вверх, мои ноги отрываются от земли, но я замечаю стол и использую его как опору. Толкнувшись вверх, я в прыжке выкручиваю ему руку, высвобождаюсь и приземляюсь за его спиной. Он поворачивается, и я бью ногой со всей силы, целя ему в солнечное сплетение, но он слишком высок, так что я попадаю в живот. Он тут же блокирует мою ногу, и я

подбираюсь, готовясь к его очередной хитрости, но ничего не происходит.

Роланд смеется, отпускает мою ногу и как ни в чем не бывало садится на край стола. Два других Библиотекаря сидят за столом с вытянувшимися лицами. Я не знаю, что их больше поразило: внезапная схватка или хорошее настроение Роланда.

— Маккензи, — говорит он, расправляя рукава, — тебе нужна эта работа?

— Она даже не представляет, что подразумевается за этим словом, — говорит Мередит. — Да, у нее подвешен язык, и она может уклониться от удара. Но она — ребенок. Это просто несерьезно...

Роланд поднимает руку, и Мередит замолкает. Он смотрит мне прямо в глаза, тепло и с искренним одобрением.

— Тебе она нужна? — снова спрашивает он.

Конечно, нужна. Ведь я хочу, чтобы ты остался со мной. Время и болезнь отбирают тебя у меня. Ты сказал, что это — единственный способ остаться вместе. Я не упущу этой возможности.

— Да, — твердо отвечаю я.

Роланд выпрямляется:

— В таком случае я утверждаю кандидатуру.

Мередит приглушенно ахает.

— Она смогла сохранить самообладание в разговоре с тобой, Мередит, а это многого стоит, — говорит Роланд, уже

улыбаясь во весь рот. — А что касается бойцовских качеств, мне судить — и я заключаю, что у нее есть талант.

Он смотрит на тебя.

— Достойную смену ты вырастил, Энтони. — Роланд оглядывается на Алана. — Что скажешь?

Бородатый библиотекарь постукивает пальцами по столу, глядя куда-то мимо нас.

— Вы не можете утверждать... — бормочет Мередит.

— Если мы это сделаем, а она продемонстрирует свою некомпетентность в любом из вопросов, — говорит Алан, — она будет лишена работы.

— И если она окажется негодной, — добавляет Мередит. — ты, Роланд, устранишь ее сам.

Роланд вновь улыбается в ответ на ее вызов.

Я делаю шаг вперед.

— Я все понимаю, — говорю я так громко, насколько хватает храбрости.

Алан медленно поднимается с места:

— В таком случае и я утверждаю твою кандидатуру.

Мередит сверкает глазами и тоже встает:

— Я оказалась в меньшинстве и потому вынуждена утвердить твою кандидатуру.

И только после этого ты кладешь руку мне на плечо. Я чувствую, как гордость за меня искрится в кончиках твоих пальцев. И улыбаюсь.

Я им всем покажу.

Вместо тебя.

Глава шестая

Зевая, я плетусь за Роландом по Архиву. Я провела здесь много часов, и ночь, видимо, уже подходит к концу. Кости болят от долгого сидения на полу, но оно того стоило: я побыла с Беном.

Не с Беном, конечно. С его ящиком.

Я расправляю затекшие плечи, которыми прижималась к полкам, и поворачиваю вслед за Роландом к Атриуму. Тут и там занятые работой Библиотекари: вокруг толстые фолианты, планшеты с бумагами, а кое-где – раскрытые ящики. Спят ли они вообще когда-нибудь? Подняв глаза к сводчатому потолку, я вижу, что за стеклом стало темнее: будто и здесь бывает ночь. Я делаю глубокий вдох, и мне становится лучше. Когда мы подходим к приемной, я уже полностью беру себя в руки.

Там нас поджидает мужчина в темных очках, с волосами цвета «соль с перцем». Строгая линия рта перечеркивает лицо над холеной бородкой. Музыка Роланда выключена.

– Патрик, – приветствую я. Не самый мой любимый Библиотекарь. Хотя он работает здесь столько же, сколько и я, общаемся мы крайне мало. И меня это нисколько не печалит.

Увидев меня, он недовольно кривит губы.

– Мисс Бишоп. – Его приветствие звучит как замечание суровой учительницы. Он, конечно, южанин, хотя изо всех

сил пытается скрыть акцент: говорит короткими рублеными фразами, резко выплевывая согласные звуки. – Мы примем меры против ваших систематических нарушений.

Роланд закатывает глаза и хлопает его по плечу:

– Она никому не вредит.

Патрик злобно сверлит его взглядом:

– Но она не делает и ничего хорошего. Я должен рассказать об этом Агате. – Он смотрит на меня. – Вы слышали? Я должен пожаловаться на вас Агате.

Я не знаю и знать не хочу, что это за дама.

– Каждое ограничение чем-то вызвано, мисс Бишоп. В Архиве нет часов посещения. Хранители не допускаются к Историям. И вы не имеете права входить сюда без веского на то основания. Вы меня поняли?

– Конечно, сэр.

– Означает ли это, что вы прекратите свои бесплодные и бессмысленные попытки?

– Конечно нет, сэр.

Со стороны Роланда раздается смешок, замаскированный под сдвленное кашлянье. Он едва заметно подмигивает мне. Патрик вздыхает и устало потирает глаза, а я почти чувствую себя победительницей. Но все мое воодушевление исчезает, когда он тянется к своему планшету. Меньше всего сейчас мне нужен официальный выговор. Роланд тоже замечает его жест и мягко кладет ладонь на плечо Патрику.

– Что касается Хранителей и Историй, – замечает он, –

мисс Бишоп, разве вы только что не собирались поймать одну?

Дважды повторять мне не нужно.

– В самом деле, – быстро соглашаюсь я и направляюсь к выходу.

За своей спиной я слышу, как Библиотекари начинают спорить тихими, напряженными голосами, и понимаю, что оглядываться сейчас не стоит.

Мне удастся найти и вернуть двенадцатилетнего Томаса Роуэлла. Он проснулся совсем недавно, поэтому с ним удастся разобраться без лишних вопросов, не считая небольшой потасовки. Честно говоря, я уверена, что он был искренне рад встретить хоть одну живую душу в пустых безжизненных Коридорах. Остаток ночи я провожу, исследуя двери на подконтрольной мне территории. Когда я заканчиваю работу, все проходы и даже люки в полу отмечены мелом. В основном знаком «Х», но кое-где попадаются круги. Я возвращаюсь к двум своим дверям и с удивлением обнаруживаю, что еще одна дверь напротив открывается моим ключом.

Дверь № 1 ведет на третий этаж, к марине. Дверь № 2 ведет на боковую лестницу в вестибюль Коронадо. А дверь № 3? Она открывается в темноту. В никуда. Тогда почему она вообще открывается? Повинуясь любопытству, я шагаю через порог во мрак. Здесь очень тесно, тихо и так сильно пахнет пылью, что я буквально ощущаю, как она щекочет мне нозд-

ри при вдохе. Вытянув руки, я упираюсь в стены по бокам и нащупываю ряд длинных деревянных ручек – похоже, вдоль стены в ряд выставлены швабры. Подсобка?

Я надеваю кольцо на палец и продолжаю свой неуверенный путь в темноте. И тут ощущаю слабое поскребывание на листке в кармане. Новое имя? Усталость проела мысли, физических сил не осталось. Этой Истории придется подождать. Шагнув вперед, я задеваю ногой за что-то жесткое. Я закрываю глаза, чтобы побороть подкатывающий приступ клаустрофобии. В конце концов мне удастся нащупать дверной проем в полуметре спереди. Облегченно вздохнув, я изо всех сил дергаю дверную ручку.

Заперто.

Я могла бы вернуться назад, в Коридоры, и пойти другим путем, но мне не дает покоя вопрос, где я. Я прислушиваюсь, но вокруг ни звука. Я понимаю, что попала в какой-то Богом забытый угол, засыпанный пылью и окутанный ватной тишиной.

Дед говорил, существует два способа пройти через запертую дверь: с помощью ключа и с помощью грубой силы. Поскольку ключа у меня нет...

Отклонившись назад, я поднимаю ногу и ставлю подошву на дверное полотно. Затемдвигаю ступню влево до тех пор, пока ботинок не упирается в ручку. Как следует примерившись и убедившись в том, что не промажу, я делаю глубокий вдох и бюю.

Раздается громкий треск древесины, дверь подается, и со второго удара я распахиваю ее настежь. На каменный пол падают несколько швабр и ведро. Я переступаю через весь этот беспорядок и вижу комнату, завешенную простынями. Они покрывают полки, окна и даже пол. Из-за щелей между тканью проглядывает грязный камень. На стене неподалеку я замечаю выключатель, и, пробравшись через простыни, зажигаю свет.

Комнату заполняет унылое жужжание. Хотя свет тусклый, он неприятно колет глаза, и я, поморщившись, выключаю его. Через простыни на окнах с улицы проникает свет – оказывается, сейчас еще позже, чем я думала, – и, пройдя через комнату, я срываю импровизированные занавески, поднимая ураганы пыли и заливая пространство утренним солнцем. За окном виднеется мощный дворик и подозрительно знакомый навес...

– Вот ты его и нашла!

Я резко разворачиваюсь и вижу, что в комнату, пригнувшись под пыльной простыней, заходят мама и папа.

– Нашла что?

Мама обводит рукой пространство вокруг нас. Она делает это с таким видом, будто вместо пыльных простыней и швабр показывает мне фамильный замок.

– Кофейню Бишопов.

На мгновение я так искренне поражена, что не могу говорить.

– Разве вывеска «КАФЕ» в вестибюле не выдает его с головой? – поинтересовался папа.

Конечно, только я пришла не со стороны вестибюля. Меня поразила абсурдность совпадения: прямо из Коридоров я делаю всего пару шагов и оказываюсь в маминой епархии, в эпицентре воплощения в жизнь очередной ее мечты. Но многолетняя привычка лгать спасает меня и на этот раз: ни в коем случае нельзя позволять замешательству брать верх. Поэтому я мило улыбаюсь и делаю вид, будто ничего не произошло.

– Да, у меня были кое-какие догадки, – отвечаю я и снимаю с окна простыню. – Я проснулась рано и решила заглянуть сюда, посмотреть, что к чему.

Мама не обращает внимания на мою неуклюжую ложь. Она порхает по залу, затаивая дыхание, прежде чем снять простыню с очередного предмета мебели, прямо как маленькая девочка, задувающая свечи на именинном торте. Папа продолжает с напряженным вниманием разглядывать меня, мою чересчур темную одежду, длинные запыленные рукава. Заметно, что все эти факты, как кусочки пазла, не хотят складываться воедино в его голове.

– Ну что? – с преувеличенным энтузиазмом продолжаю я. Мне удалось заметить, что если я болтаю слишком громко, это не дает папе задумываться и сбивает его с толку. – Вы, наверное, думаете, здесь где-нибудь затаилась кофемашина?

Папа заметно оживляется. Ему необходим кофе, как дру-

гим нормальным людям необходимы пища, вода и жилье. Если сравнивать по важности с курсами, которые он читает на историческом факультете, или эссе, которые он пишет, кофеин достигает небывалых высот. Думаю, маме, для того чтобы сманить сюда папу, понадобилось только приглашение из местного университета и обещание постоянно снабжать его кофе. Всего два ингредиента, и готово.

Я с трудом подавляю зевок.

– Ты выглядишь усталой, – замечает он.

– Ты тоже, – тут же реагирую я и снимаю простыню с механизма, отдаленно напоминающего большую кофемолку. – Ого, ты только взгляни!

– Маккензи, – начинает он, но я нажимаю на кнопку, и металлический монстр оживает, перебивая папу спасительным лязгом и грохотом, таким сильным, будто перемалывает сам себя, жадно заглатывая воздух вместе с болтами, гайками и гвоздями. Папа морщится, и я, сжавшись, выключаю кофемолку. Шум ее агонии еще некоторое время эхом разносится по залу. В воздухе стоит осязаемый запах гари.

Я невольно оглядываюсь на подсобку, ведущую в Коридоры, и мама, должно быть, поймала мой взгляд, потому что тут же направилась туда.

– Интересно, что тут произошло? – говорит она, повернув сломанную дверь, провисшую на петлях.

Равнодушно пожав плечами, я иду к металлическому ящику, отдаленно напоминающему духовку, и открываю

дверцу. Внутри все запачкано прогорклым подгорелым жиром.

– Я тут подумала, – замечает мама, – нам стоит испечь немного маффинов. Приветственных маффинов!

Последнюю фразу она произносит с такой бравурной интонацией, что становится тошно.

– Знаете, чтобы дать всем понять: мы приехали. Что думаешь, Мак?

Вместо ответа я пихаю дверцу духовки, и она с оглушительным грохотом закрывается. Что-то отваливается от нее и с тоненьким *тиньк-тиньк-тиньк* катится по каменному полу к маминым ногам.

Ее улыбка даже не тускнеет. От этой притворной жизнерадостности и улыбки как-все-классно меня выворачивает наизнанку. Я видела, что творится у нее в голове, и прекрасно знаю, что это глупая рисовка. Я уже потеряла Бена. Я не хочу потерять и ее тоже. Мне хочется встряхнуть ее и сказать... Но я не знаю, что ей сказать. Не знаю, как до нее достучаться. Как объяснить, что так она делает только хуже – всем нам.

Поэтому я говорю правду:

– Кажется, духовка вот-вот развалится.

Она пропускает мои слова мимо ушей. Или просто их игнорирует.

– Ну что ж, – бодро говорит она, нагибаясь, чтобы подобрать с пола винтик. – Тогда мы воспользуемся домашней

духовкой, пока не привели в порядок эту.

Сказав это, она поворачивается и упархивает прочь. Я оглядываюсь в поисках поддержки или хотя бы сострадания с папиной стороны, но он вышел во двор и стоит, разглядывая навес.

– Тук-тук, Маккензи, – зовет мама из-за двери, – ты знаешь, как обычно говорят...

– Я уверена, что так сейчас не говорит никто, кроме тебя...

– Кто рано встает, тому Бог подает!

Я выглядываю в окно, зябко ежусь и неохотно плетусь за ней.

Остаток утра мы проводим с «приветственными маффинами». Папа ходит с различными поручениями, мама печет, а я изо всех сил стараюсь выглядеть занятой. Мне бы не помешала пара часов сна или хотя бы бодрящий душ, но каждый раз, как я делаю неосторожное движение в сторону двери, мама придумывает для меня новое занятие. Улучив момент, когда она отвлеклась на противень с новой порцией кексов, я выуживаю Архивный листок из кармана. Разворачиваю его и с удивлением обнаруживаю, что он чист.

У меня словно камень падает с души, и тут я вспоминаю, что чувствовала, как на моем листке появилась новая История, когда застряла в темной подсобке кафе. Получается, что мне почудилось. Тем временем мама ставит маффины на прилавок. Мне приходится быстро свернуть листок и спря-

тать его в карман. Мама набрасывает на выпечку полотенце, и тут у меня в голове всплывает картинка: Бен, вытянувшийся на носочках и сующий нос под полотенце со сладостями. Он всегда старался отщипнуть хотя бы кусочек прямо с противня и обжигал пальцы. Меня будто ударили кувалдой в солнечное сплетение, я сгорбливаюсь и крепко зажимаю глаза, ожидая, пока боль отступит.

Мне все же удалось отпроситься на пять минут – чтобы переодеться: моя одежда пропахла Коридорами, Архивными полками и застарелой пылью из кафе. Я натягиваю чистые джинсы и футболку. Мои волосы не желают лежать нормально, я выкапываю в шкафу желтую бандану, и, пытаясь привести себя в порядок, завязываю ее на голове. Спрятав ключ деда под воротник, я смотрю на пол, и взгляд мой падает на темные пятна. Я вспоминаю об окровавленном парне.

Я опускаюсь на колени, стараясь отфильтровать прочь лязганье кухонных подносов за дверью, снимаю кольцо и прижимаю пальцы к половицам. Древесина начинает гудеть под моим прикосновением, я закрываю глаза, тянусь и...

– Маккензи! – голосит мама.

Я вздыхаю, растерянно моргаю и отталкиваюсь от пола. Я успеваю выпрямиться в полный рост как раз в тот момент, когда мама энергично стучит в дверь.

– Я что, уже не могу ожидать от тебя помощи?

– Иду, – покорно отвечаю я и надеваю кольцо на место. Уходя, я успеваю бросить последний взгляд на пол. Мама тем

временем упаковала все маффины в маленькие целлофановые пакетики. Сейчас она укладывает их в корзинку, щебеча что-то о местных жителях. И тут меня осеняет.

Дед был Хранителем, но он был и детективом тоже. Он часто говорил, что люди иногда могут рассказать столько же, сколько и стены дома. Ты получаешь разные ответы. Да, у моей комнаты есть своя история, и как только меня хоть ненадолго оставят в покое, я ее прочту. Но что сейчас мешает просто поговорить о Коронадо с его жителями?

– Слушай, мам, – говорю я, закатывая рукава. – Я уверена, у тебя еще куча дел. Почему бы мне самой не разнести кексы?

Она замолкает и внимательно смотрит на меня:

– Правда? Тебе не сложно?

Она будто в самом деле удивлена, что я способна быть милой, хорошей девочкой. Засунув последний маффин в корзину, она подвигает ее в мою сторону.

– Конечно, – говорю я и исхитряюсь выдать улыбку. Ее ответная кажется такой искренней, что мне почти становится стыдно. До того момента, как она заключает меня в объятия, заполняя все мое существо визгом порванных струн, радиопомехами и скрипом несмазанных петель, буквально скребушим мне кости. Меня начинает мутить.

– Спасибо, – говорит она и сжимает меня еще крепче. – Это так мило.

Я с трудом разбираю ее голос через шумовую заслонку,

завывающую сейчас в моей голове.

– Это... правда... пустяки, – мямлю я, безуспешно пытаюсь нарисовать между нами стену. – Мам, – наконец не выдерживаю я. – Я не могу дышать.

Она смеется и выпускает меня, и вот я уже на свободе, хотя и помятая.

– Хорошо, приступай к делу, – говорит она и поворачивается к духовке. Никогда еще я с такой радостью не следовала ее указаниям.

Шагая по холлу, я стягиваю пакетик с одного из мафффинов. Надеюсь, что мама не пересчитывала их, я на ходу жую свой завтрак. Корзина болтается туда-сюда на моем локте. Каждый пакетик с кексом надписан аккуратным почерком: «Бишоп». Целая корзинка кондитерских комплиментов, своеобразное приглашение к знакомству.

Я сосредотачиваюсь на своей задаче. В Коронадо семь этажей: первый целиком отведен под вестибюль, шесть остальных – жилые. На каждом по 6 апартаментов, от А до F. Много квартир – много народу, так что наверняка получится что-нибудь разузнать.

Но даже если кто-нибудь что-нибудь знает, дома никого нет. Мы с мамой, сами того не сознавая, допустили ошибку: на что мы рассчитывали в утро буднего дня? Оказалось, что на закрытые двери. Я отхожу от 3F и шагаю дальше по холлу. В 3E и 3D стоит тишина, в 3C вообще никто не живет, судя по записке на двери. Хотя в 3B слышно какое-то слабое ше-

веление, мне никто не открывает. После неудачного штурма 3А я окончательно падаю духом. Оставив маффины на порогах апартаментов, я иду на следующий этаж.

Тут повторяется то же самое. Мне приходится оставить выпечку у 4А, В и С. Но, когда я понуро ухожу от 4D, дверь внезапно открывается, и меня окликают:

– Юная леди.

Я оборачиваюсь и вижу пышнотелую женщину, которая, стоя в прямоугольном дверном проеме, напоминает объемистый каравай на противне. В руке она держит наш маффин.

– Как вас зовут? И что это за милый маленький подарок? – Кекс в ее пухлой ладони похож на яйцо маленькой птички в гнезде.

– Маккензи, – я шагаю ей навстречу, – Маккензи Бишоп. Мы с родителями только переехали в квартиру 3F и хотим снова открыть кофейню на первом этаже.

– Что ж, рада знакомству, Маккензи. – Она заключает мою ладонь в своей. Она вся состоит из низкого гула, колокольного звона и звука разрываемой ткани. – Меня зовут мисс Анджели.

– Приятно познакомиться. – Выждав приличное время, я вежливо высвобождаюсь от ее пожатия.

И тут я слышу это. От этого звука по коже бегут мурашки. За живой стеной, которую представляет собой мисс Анджели, я слышу слабенькое мяуканье, затем кошка обнаруживает небольшое пространство между ног мисс Анджели и

проскальзывает наружу, в холл. Я отскакиваю в сторону.

– Джекки! – зовет ее мисс Анджели. – Джекки, ну-ка вернись!

Маленькая черная кошка, отойдя подальше, чтобы до нее нельзя было дотянуться, оценила взглядом свою необъятную хозяйку. А потом повернулась ко мне.

Боже, как же я ненавижу кошек!

На самом деле я ненавижу к ним прикасаться. Как и к любым животным, по одной и той же причине: они такие же, как люди, только в сто раз хуже. Только инстинкты и никакого сознания, эмоции и никакой логики – они для меня – живая сенсорная бомба, обернутая мехом.

Мисс Анджели выбирается из дверного проема и чуть не падает на Джекки, а та как назло бежит в мою сторону. Я съеживаюсь и отступаю, выставив корзину с маффинами, как щит.

– Плохая киса! – рычу я сквозь зубы.

– Она такая лапочка, моя Джекки! – Мисс Анджели наклоняется, чтобы подобрать кошку, которая то ли прикидываетсядохлой, то ли в самом деле парализована страхом, и я успеваю увидеть часть квартиры за спиной ее хозяйки.

Каждый сантиметр пространства, на который можно пристроить, положить, повесить хоть какую-нибудь вещь, занят антиквариатом. Мой мозг пронзает единственная мысль. Зачем кому-то могло понадобиться собрать столько старья?

– Вам, похоже, нравятся старинные вещи, – закидываю я

удочку.

– О да, – выпрямляется она. – Я – коллекционер.

Джеззи висит у нее под мышкой, как модная пушистая сумочка.

– По образованию я – историк искусства, – уточняет мисс Анджели. – А тебе, Маккензи, нравятся старинные вещи?

«Нравятся» – неподходящее слово. Они *полезны*, поскольку, в отличие от новых вещей, хорошо впитывают воспоминания.

– Мне нравится Коронадо, – я незаметно продолжаю гнуть свою линию. – Его ведь тоже можно назвать старинным, не так ли?

– Совершенно верно. Это чудесное место. Его возвели больше века назад, хотя в это трудно поверить. Он полон историй, наш Коронадо.

– Кажется, вы немало о нем знаете.

Мисс Анджели заколебалась.

– В таком месте, как это, никто не может знать всего. Фрагменты мозаики, обрывки историй, слухи и байки... – Она замолкает.

– Правда? – Я воспряла духом. – И даже что-то необычное?

И тут, опомнившись, что могу спугнуть собеседницу таким энтузиазмом, я добавляю: моя подруга убеждена, что в подобном доме с секретами должны водиться привидения и кишеть скелеты в шкафах.

Мисс Анджели сурово хмурится, водворяет Джеззи в квартиру и запирает за ней дверь.

– Мне очень жаль, – невпопад говорит она, – но вы поймали меня прямо на выходе из дома. У меня назначена деловая встреча.

– Ой, – запинаясь я, – может, мы поговорим как-нибудь в другой раз?

– Как-нибудь в другой раз, – эхом повторяет она, с удивительной для ее габаритов скоростью уносясь прочь.

Я смотрю ей в спину. Она точно что-то знает. Я никогда еще не задумывалась о том, что кто-то может *знать*, но не хотеть этим делиться. Может, пока не стоит отказываться от главного источника информации – стен? Они хотя бы не смогут отказать.

Я поднимаюсь на пятый этаж, и мои шаги эхом отдаются в пустом холле. В квартирах нет ни души, и я оставляю за собой след из маффинов, как мальчик-с-пальчик – из крошек. Неужели здесь действительно так пусто? Или просто люди такие неприветливые? Я стремительным шагом иду к двери на лестничную клетку, она вдруг сама собой распахивается, и я на полном ходу в кого-то врезаюсь. Отлетев в сторону, я оступаюсь и опираюсь о стену, чтобы не упасть. Но слишком поздно, маффины уже не спасти.

Я зажмуриваюсь, готовясь услышать удар корзины об пол и шелест рассыпающихся кексов. Но ничего не происходит. Я открываю глаза. Передо мной стоит парень и крепко дер-

жит мою корзину. Темные колючки на голове, хитрая улыбка. У меня почему-то екает сердце.

Тот самый полуночник с третьего этажа.

– Извини. – Он вручает мне корзину. – Все целы, пострадавших нет?

– Нет. – Я выпрямляюсь и заглядываю ему в лицо. – Все в порядке.

Он протягивает мне ладонь и представляется:

– Уэсли Айерс.

И ждет моего рукопожатия.

Мне не хочется этого делать, но я не могу выглядеть грубой. Я держу корзину в правой руке, поэтому протягиваю ему свободную левую. Он заключает ее в своей, и звук его жизни прокатывается волной по всему моему существу, оглушая и ошеломляя. Уэсли звучит как рок-группа, с оглушительными партиями ударных и бас-гитар, перемежаемых звоном битого стекла. Я пытаюсь отгородиться от этого рева энергии, оттолкнуть его, но становится только хуже. И тут, вместо того чтобы просто пожать мне руку, он театрально кивает и слегка касается губами костяшек моих пальцев. И у меня перехватывает дыхание. Не так, как это происходит в слащавых девичьих книжках. Без бабочек в животе и головокружений. Я буквально не могу сделать вдох: все вокруг заполнил рваный ритм и звон стекла. Я краснею, как помидор, и, должно быть, хмурюсь, сама того не замечая, а он неправильно истолковывает мое смущение и выпускает мою

руку, забирая весь шум и хаос жизни с собой.

– Чего такого? – игриво спрашивает он. – Это ведь обычный, ты не знала? Правая в правую – рукопожатие. А левая в правую – к поцелую. Вот я и подумал, что это приглашение к действию.

– Нет, – коротко отвечаю я. – Не совсем.

Вокруг меня опять воцаряется тишина, но я никак не могу прийти в себя и не могу скрыть своего замешательства. Поэтому я просто ковыляю мимо него к лестнице, но он поворачивается в мою сторону.

– Мисс Анджели из 4D, – продолжает он. – Она всегда ожидает поцелуя, хотя он превращается в сложный трюк из-за всех этих колец, которые она носит.

Тут он поднимает свою левую руку и слегка потряхивает пальцами. Я вижу, что у него тоже есть чем похвастать.

– Уэс! – зовет детский голос из открытой двери посередине холла. Из входа в 5С выныривает маленькая блондинистая головка. Я бы с удовольствием разозлилась на нее за то, что она не открыла мне парой минут раньше, но не могу – все, чего мне сейчас хочется, – осесть прямо на пол, покрытый клетчатым ковром. Уэсли намеренно игнорирует девочку и внимательно наблюдает за мной. Вблизи я замечаю, что его светло-карие глаза действительно обведены.

– Что ты делал в холле ночью? – спрашиваю я, пытаюсь скрыть напряжение. Его лицо никак не меняется, и я уточняю: – В холле на третьем этаже. Было уже поздно.

– Не так уж и поздно. – Он пожимает плечами. – Половина кафе в центре еще работала.

– Почему тогда ты зависал здесь, а не там?

Он лукаво ухмыляется.

– Я люблю третий этаж. Он такой... желтый.

– Прошу прощения?

– Желтый. – Он протягивает руку и постукивает по обоям ногтем, покрытым черным лаком. – Седьмой – фиолетовый. Шестой – голубой. Пятый, – и он обводит рукой вокруг нас, – как ты видишь, красный.

Я бы не была такой уверенной в названии цвета – тут все слишком старое и грязное. Но вслух я ничего не говорю.

– Четвертый – зеленый, – продолжает он. – А третий – желтый. Прямо как твоя бандана в стиле ретро. Очень прикольно.

Я невольно подношу руку к волосам:

– А что со вторым этажом?

– Что-то среднее между оранжевым и коричневым. Жутковато.

Я почти смеюсь:

– А мне они все кажутся одинаково серыми.

– Ты увидишь со временем, – говорит он. – Вы только переехали? Или тебе нравится скитаться по чужим домам и подкладывать под двери... – он сует нос в корзинку, – сладкую выпечку?

– Уэс! – сердится девочка, топая ногой. Но он продолжает

ее игнорировать и снова подмигивает мне. Она краснеет от досады и скрывается в квартире. Спустя мгновение она снова появляется и, прицелившись, запускает в него книжкой. Видимо, я моргнула или просто недосмотрела – Уэсли мгновенно поднимает руку, с зажатой в ней книгой. При этом он продолжает смотреть мне в глаза и улыбаться.

– Сейчас буду, Джилл.

Он выпускает книгу из рук, и та с шелестом падает на пол. Уэс в это время заглядывает в корзину.

– Я едва не погиб смертью храбрых под этой корзиной. Думаю, мне полагается небольшая компенсация.

Он уже копается в ленточках и шуршащих пакетиках.

– Конечно, угощайся! – говорю я. – Так ты тоже здесь живешь?

– Я бы так не сказал... О-о-о, с черникой! – Он извлекает один маффин и читает этикетку. – Значит, твоя фамилия – Бишоп, так?

– Маккензи Бишоп, – представляюсь я. – Из ЗФ.

– Приятно познакомиться, Маккензи. – Он несколько раз подбрасывает маффин на ладони. – И что же привело тебя в наш обветшалый замок?

– Кто. Мама. Она хочет восстановить кофейню.

– Я вижу, ты так и светишься от восторга, – подкалывает он.

– Просто тут все такое старое... – *Хватит уже откровений на сегодня*, предупреждает голос в моей голове.

Он изгибает черную бархатную бровь.

– Боишься пауков? Пыли? Или привидений?

– Нет. Подобными пустяками меня не запугать. – Здесь все слишком громкое, прямо как ты.

Его улыбка полна лукавства, но глаза смотрят прямо и открыто.

– А в чем тогда дело?

Нас отвлекает Джилл, выглянувшая из-за двери с новой книгой. Мне интересно посмотреть, как этот проныра Уэсли отразит новую атаку с маффином и книгой в руках, но он оборачивается к Джилл, словно признавая свое поражение.

– Ладно-ладно, я иду, мерзкая девчонка!

Он кидает книгу Джилл, и она неловко ее ловит. Затем смотрит на меня со своей фирменной косой улыбкой.

– Спасибо за маффин, Мак.

Мы только что встретились, а он уже зовет меня уменьшительным именем. Я бы с удовольствием надрала ему задницу, но в том, как он произносит мое имя, чувствуется приязнь, и мне почему-то становится лестно.

– Еще увидимся.

Дверь в 5С уже закрылась, но я все еще стою в коридоре. Легкое царапанье в кармане возвращает меня к реальности. Я отхожу к лестнице и достаю листок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.